

его происхождение и содержаніе. Напротивъ, точное познаніе метода всегда является на сцену гораздо позже, чѣмъ его фактическое примѣненіе.

4. Абстрактный методъ въ исторической теоріи познанія.

Теперь надо выяснитъ тѣ особенности, которыми характеризуется абстрактный методъ въ исторической теоріи познанія. Въ зависимости отъ этихъ особенностей, должна быть установлена и степень обособленія данной науки, какъ науки самостоятельной среди другихъ общественныхъ наукъ.

Прежде всего, въ глаза бросаются чрезвычайныя трудности, съ которыми абстрактный методъ принужденъ здѣсь бороться. Величайшая сложность матеріала, съ которымъ приходится имѣть дѣло предварительной индукціи, въ высшей степени затрудняетъ выработку сколько-нибудь определеннѣнныхъ эмпирическихъ обобщеній, которыя должны служить основой первыхъ дедукцій.

Далѣе, въ общественныхъ формахъ познанія трудно улавливать тенденціи измѣненій (также и по другой причинѣ: какъ показываетъ опытъ, изъ всѣхъ общественныхъ формъ именно эти складываются наиболѣе медленно, а разъ сложившись, оказываются наиболѣе консервативны. Связь причины и слѣдствія здѣсь очень часто маскируется продолжительностью того періода, когда дѣйствіе причины остается скрытымъ для наблюденія: старыя формы еще долго сохраняются, когда уже исчезли породившія ихъ условія, а новымъ формамъ надо много времени, чтобы окончательно сложиться. Почему формы познанія такъ консервативны — это будетъ выяснено въ дальнѣйшемъ; пока достаточно констатировать фактъ, хорошо извѣстный всякому, кто сколько-нибудь знакомъ съ исторіей развитія идей.

Крайняя сложность условій, медленность процесса приспособленія, особенный консерватизмъ формъ, — все это приводитъ къ тому, что въ историческомъ анализѣ познанія чаще, чѣмъ гдѣ-либо, имѣютъ дѣло съ формами недоразвившимися или пережившими, съ формами, которыя частью еще не соответствуютъ, частью уже не соответствуютъ даннымъ общественнымъ условіямъ.

Отсюда вытекаетъ та основная методологическая особенность, которая до извѣстной степени выдѣляетъ историческую теорію познанія среди другихъ общественныхъ наукъ. Абстрактный методъ выступаетъ здѣсь, такъ сказать, въ наиболѣе абстрактной формѣ. На первыхъ его шагахъ ему приходится здѣсь въ наибольшей степени отвлекаться отъ фактовъ недоразви-

тости однихъ и переживанія другихъ формъ познанія. То, что въ дѣйствительности выступаетъ разрозненнымъ, противорѣчивымъ, внутренне неприспособленнымъ во многихъ своихъ частяхъ, — то абстракція должна представить, сообразно тенденціямъ развитія, какъ нѣчто законченно-гармоничное, вполне приспособленное къ данной системѣ условій и къ себѣ самому. Существующую неразвитую систему познанія приходится прежде всего идеализировать и изобразить вполне развитой въ соотвѣтствіи съ данными внѣшними условіями. А такой она является лишь въ томъ случаѣ, если представить себѣ завершенной ея монистическую тенденцію развитія. Тотъ процессъ прогрессивнаго обобщенія и различенія понятій, который устанавливаетъ гармоническую связь между частными формами познанія, завершается лишь въ длинномъ ряду поколѣній; а за это время возникаетъ новый матеріалъ познанія, обыкновенно уже не укладывающійся въ рамки прежнихъ формъ обобщенія и различенія, вообще — прежней монистической тенденціи. Тогда наряду съ прежней возникаетъ новая монистическая тенденція, и система познанія опять-таки оказывается неоднородной, являясь недоразвившейся въ однихъ частяхъ, пережившею — въ другихъ.

Итакъ, примѣненіе абстрактнаго метода въ историческомъ ученіи о формахъ познанія характеризуется тѣмъ, что формы эти постоянно разсматриваются съ точки зрѣнія монистической тенденціи ихъ развитія. Сначала дедукція стремится выяснить основныя черты данной системы познанія въ ея монистически-законченномъ видѣ — какой бы она была при данныхъ внѣшнихъ условіяхъ, если бы, находясь въ полномъ соотвѣтствіи съ ними, была организована совершенно монистически; затѣмъ выясняются въ болѣе конкретномъ изслѣдованіи реальныя отклоненія отъ этой нормы, и далѣе — ихъ причины, внѣ познанія и въ немъ самомъ.

Употребляя терминъ „система познанія“, я подразумѣваю не какую-нибудь индивидуально-созданную философскую или научную систему, а общественную систему познанія, т. е. комплексъ понятій, господствующихъ въ данномъ обществѣ. При этомъ понятіе общества берется, какъ относительное, именно, подъ него подводится всякая группа людей, поскольку она реально объединена сотрудничествомъ. — Такимъ образомъ, дѣло отнюдь не въ индивидуальныхъ формулахъ философіи и науки: онѣ входятъ въ анализъ лишь тогда, когда обнаруживаютъ тенденцію стать общественно-господствующими, и входятъ постольку, поскольку обнаруживаютъ эту тенденцію. И границы той системы сотрудничества, того „общества“, познаніе котораго подвергается

ислѣдованію, опредѣляются различно, сообразно задачамъ ислѣдователя: это можетъ быть общественный классъ, нація, все человѣчество въ его развитіи; вообще, дѣло можетъ идти о какой угодно группѣ людей, которая объединяется и обособляется той или иной степенью совмѣстности въ борьбѣ за существованіе.

Абстрактный методъ только начинается съ такой отвлеченности, какъ монистическая система познанія, соответствующая опредѣленной суммѣ внѣ-соціальныхъ и соціальныхъ условий. Такъ какъ его задача — объясненіе дѣйствительности, то отвлеченная норма — монистическая система познанія — можетъ для него служить только исходной точкой для дальнѣйшаго анализа, только методомъ дальнѣйшаго ислѣдованія.

Это дальнѣйшее, болѣе конкретное ислѣдованіе имѣетъ дѣло съ фактами недоразвитія и переживанія, маскирующими основную тенденцію. Цѣлая масса элементовъ въ системѣ познанія представляютъ изъ себя приспособленіе не къ тому сочетанію общественныхъ условий, которое дано въ настоящемъ, а къ тому, которое существовало въ прошломъ, и уже не существуетъ болѣе.

Такимъ образомъ переживаютъ не только частныя формы познанія, но и частичныя тенденціи ихъ измѣненій; познаніе включает не только рядъ „заблужденій“, но и тенденцію къ ихъ завершенію, къ ихъ сведенію въ монистическое цѣлое. Ибо формы познанія приспособляются къ ихъ средѣ, и въ томъ числѣ къ самой непосредственной средѣ — къ другимъ формамъ познанія; а потому отдѣльныя формы познанія могутъ измѣняться, приспособляясь къ другимъ, которыя сами уже успѣли стать простымъ пережиткомъ, но еще не разрушились и не измѣнились въ соответствіи съ новыми общественными условіями. Напр., приходится наблюдать, что когда уже исчезли объективныя основы метафизическаго мышленія, метафизика еще прогрессируетъ въ сферѣ самыхъ общихъ идей. Передъ нами продолженіе старой монистической тенденціи, которая соответствовала вполнѣ только условіямъ прошлаго, но и теперь наблюдается въ познаніи, поскольку сохранились еще понятія и другія формы познанія изъ той минувшей эпохи.

Очевидно, монистическая система познанія, которая, вообще говоря, существуетъ лишь въ научной абстракціи, должна разсматриваться, какъ элементъ конкретной системы познанія, наблюдаемой въ дѣйствительности. Всякое реальное познаніе, взятое въ цѣломъ, можетъ быть разложено на нѣсколько такихъ элементовъ, неразрывно связанныхъ между со-

бою, и переходящих одинъ въ другой безъ рѣзкихъ границъ. Въ головѣ, напр., средняго представителя современной культуры самымъ причудливымъ образомъ переплетаются между собою первобытно-фетишистическія, метафизическія, позитивныя формы мышленія... Въ однихъ частяхъ системы господствуетъ одна монистическая тенденція, въ другихъ—другая, и т. д.; а взаимное ихъ противорѣчіе обнаруживается лишь тогда, когда элементы, подчиненные различнымъ тенденціямъ, одновременно выступаютъ въ сознаніи.

Различные типы мышленія или монистическія тенденціи, существуя вмѣстѣ, не могутъ не конкурировать между собою; поэтому абстрактный методъ долженъ на основаніи эмпирическихъ обобщеній выяснять, въ какомъ направленіи совершается замѣна однихъ конкурирующихъ формъ другими. Устраненіе отжившихъ формъ познанія происходитъ, какъ было указано, двумя способами: во-1) путемъ того спеціальнаго подбора, основу котораго составляетъ чисто-познавательное противорѣчіе старыхъ формъ съ новыми (способъ непосредственный); и во-2) путемъ того подбора, который основывается на практическихъ противорѣчіяхъ: дѣйствія, связанные съ элементами старой познавательной системы, оказываются нецѣлесообразными при новыхъ условіяхъ (способъ косвенный).

Нетрудно понять, что въ общемъ развитіи познанія противорѣчія практической гораздо важнѣе чисто-познавательныхъ; эти послѣднія являются производными: раньше должны сложиться — очевидно, на почвѣ практическихъ противорѣчій—новыя формы познанія, и тогда уже онѣ могутъ вступить въ познавательное противорѣчіе со старыми; и кромѣ того, до настоящаго времени чисто-познавательныя противорѣчія играли въ жизни массъ вообще самую ничтожную роль.

5. Матеріалистическій моментъ въ абстрактномъ методѣ теоріи познанія.

Благодаря измѣненіямъ внѣшней среды общественно-познавательнаго процесса, въ познаніи встрѣчаются и перекрещиваются различныя монистическія тенденціи. Изъ этого возникаютъ серьезныя трудности для изслѣдованія; чтобы справиться съ ними, надо имѣть какой-нибудь руководящій принципъ, на основаніи котораго можно было бы разграничивать сферы отдѣльных тенденцій. Такой принципъ нетрудно найти, если строго и послѣдовательно провести въ методѣ общую біологическую идею: формы познанія

суть формы приспособленія къ общественному процессу трудовой борьбы съ внѣшней природой.

Въ опредѣленную эпоху существовалъ опредѣленный комплексъ внѣшнихъ и внутреннихъ условий общественной жизни, и въ соотвѣтствіи съ нимъ—система познанія съ опредѣленной, хотя не успѣвшей еще завершиться монистической тенденціей. Общественныя условія измѣняются, въ болѣе или менѣе значительной степени; въ зависимости отъ этого измѣняется система познанія, въ ней обнаруживаются новыя частныя тенденціи развитія, новая общая монистическая тенденція. Раздѣлимъ формы познанія на болѣе частныя и болѣе общія, располагая ихъ по низшимъ и высшимъ стадіямъ того обобщающаго процесса, который представляетъ основное выраженіе монистической тенденціи. Изслѣдуемъ, на какихъ именно стадіяхъ обобщенія можно найти первыя проявленія новой монистической тенденціи, на какихъ — всего больше сохраняются пережитки старой.

Всякій сложившійся комплексъ приспособленій — организмъ, общество, система познанія—измѣняется въ зависимости отъ измѣненій своей среды, въ слѣдствіе этихъ измѣненій. Поэтому преобразование такого комплекса всегда начинается съ тѣхъ его элементовъ, которые стоятъ въ наиболѣе непосредственномъ отношеніи къ средѣ, которые наиболѣе непосредственно подвергаются ея вліяніямъ. Это—совершенно неизбѣжный выводъ, если принять, что приспособленіе возникаетъ не само по себѣ и не само для себя, но какъ приспособленіе къ опредѣленнымъ вліяніямъ среды. Выводъ этотъ имѣетъ важное значеніе, не только для занимающаго насъ предмета, но и для всей области наукъ о жизни¹⁾.

Для познанія, внѣшней средой является вся совокупность внѣ-познавательныхъ отношеній, социальныхъ и не-социальныхъ, отношеній природы общественной и внѣ-общественной. Измѣненія этой среды выступаютъ для каждой отдѣльной познающей психики, входящей въ общественное цѣлое, въ видѣ ряда новыхъ внѣшнихъ вліяній; къ нимъ психика и приспособляется,—прежде всего въ рядѣ отдѣльных новыхъ воспріятій и соотвѣтствующихъ имъ двигательныхъ реакцій (возникающихъ пластически). Для познанія новыя воспріятія представляютъ новый мате-

¹⁾ Именно этотъ выводъ долженъ составить логическую основу для матеріалистическаго пониманія исторіи, какъ я указывалъ въ предыдущей работѣ, и какъ здѣсь еще будетъ выясняться въ дальнѣйшемъ.

ріалъ; слѣдовательно, именно въ сферѣ первоначальнаго матеріала познавательныхъ формъ прежде всего происходятъ измѣненія, когда начинается преобразование всей познавательной системы. Затѣмъ уже шагъ за шагомъ совершается процессъ обобщенія новаго матеріала въ каждой частной психикѣ, и его обобществленія въ социальномъ цѣломъ,—тотъ процессъ, въ которомъ воплощается новая монистическая тенденція. Исходя изъ конкретного матеріала познанія, новая тенденція, очевидно, раньше всего выступаетъ въ тѣхъ формахъ познанія, которыя первыми образуются изъ этого матеріала—въ наиболѣе частныхъ понятіяхъ, сужденіяхъ и т. п.

Итакъ, новыхъ „формъ мышленія“, новыхъ тенденцій познавательной пластики не приходится искать прямо въ сферѣ высшихъ обобщеній; тамъ, напротивъ, старое неизбѣжно сохраняется всего дольше. И здѣсь, какъ вездѣ въ жизни, въ высшихъ сферахъ царитъ консерватизмъ, а развитіе начинается снизу. На каждомъ шагѣ приходится видѣть такую психологическую структуру (она, пожалуй, типична для нашего времени): въ то время, какъ весь конкретный матеріалъ жизненнаго опыта наиболѣе пригоденъ для обобщеній научно-положительнаго характера, въ сферѣ высшихъ отвлеченностей господствуетъ метафизика, а въ послѣднихъ обобщеніяхъ нерѣдко находятъ даже сильные слѣды анимизма.

Уловить новую тенденцію познавательнаго развитія—дѣло весьма нелегкое, особенно вначалѣ. Во-первыхъ, именно въ сферѣ наиболѣе частныхъ формъ познанія монистическая тенденція выступаетъ въ наименѣе характерной, въ наименѣе опредѣленной формѣ: законченная формулировка этой тенденціи получается лишь въ послѣднихъ общихъ понятіяхъ и сужденіяхъ (въ категоріяхъ, всеобщихъ законахъ); въ частныхъ же формахъ познанія, съ ихъ большимъ „содержаніемъ“ и малымъ „объемомъ“, она маскируется безчисленными „частностями“, входящими въ составъ этихъ формъ познанія, тѣми элементами различія, которыя исчезаютъ въ „категоріяхъ“ и „высшихъ законахъ“. Во-вторыхъ, новый матеріалъ вначалѣ, естественно, укладывается въ рамки стараго, т. е. ассоціативно присоединяется къ матеріалу старыхъ понятій, при этомъ ихъ содержаніе (черты обобщенія) преобразуется, но остается связаннымъ со старою формою выраженія. Въ то время, какъ понятія измѣнились въ своей основѣ, слова остаются прежнія.

Впрочемъ, перемѣны въ содержаніи понятія выступаютъ болѣе отчетливо, если излѣдовать болѣе сложныя и болѣе пластичныя формы познанія—сужденія, доктрины, и т. под. Это ассоціаціи понятій, а онѣ, конечно, должны измѣняться, разъ измѣняется самое содержаніе понятій. Напр., ста-

рые термины поясняются уже новыми опредѣленіями, когда въ оболочку этихъ терминовъ одѣваются новыя понятія.

Во всякомъ случаѣ, изслѣдованіе возможно только тогда, когда самъ изслѣдователь стоитъ на гораздо болѣе высокой ступени познавательнаго развитія, чѣмъ изучаемое имъ общество. Намѣчающіяся тенденціи познавательнаго развитія могутъ быть констатированы и правильно характеризованы только въ томъ случаѣ, если изслѣдователь пережилъ ихъ въ болѣе полной мѣрѣ, чѣмъ онѣ выступаютъ въ анализируемой системѣ познанія.

Итакъ, частныя понятія слѣдуетъ разсматривать, какъ область начальныхъ моментовъ познавательнаго развитія, а понятія высшія — какъ область вторичнаго развитія, опредѣляемаго развитіемъ частныхъ понятій. Такова „матеріалистическая предпосылка абстрактнаго метода“. Но ее надо понимать строго исторически.

Пусть измѣненія произошли не во всей обширной сферѣ частныхъ формъ познанія, а въ какой-нибудь отдѣльной ея области, какъ это бываетъ тогда, когда техническій прогрессъ со значительной силой захватываетъ только одну какую-нибудь сферу производства. Отъ первоначальныхъ измѣненій исходятъ другія, которыя распространяются по направленію обобщающаго процесса; наконецъ, преобразуются такимъ путемъ даже послѣднія обобщенія (категоріи, высшіе законы). Тогда не только очень вѣроятно, но отчасти даже неизбежно, что въ зависимости отъ высшихъ формъ познанія и въ соотвѣтствіи съ ними измѣняются, далѣе, формы низшія, болѣе частныя, которыя раньше не были непосредственно захвачены процессомъ преобразованія. Разъ сложилась новая форма мышленія, то въ силу монистической тенденціи подъ нее должно подводиться все познаніе, иначе оно останется противорѣчивымъ. Напр., хотя принципъ энергіи могъ первоначально сложиться только въ сферѣ одной опредѣленной группы познанныхъ фактовъ, но разъ сложившись, онъ стремится перестроить все научное мышленіе, подчинить себѣ всѣ формы познанія ¹⁾.

¹⁾ Здѣсь дѣло обстоитъ такъ. Если данная монистическая тенденція, данный типъ познанія (выражаемый, напр., въ научной формулѣ принципа энергіи) совершенно необходимо складывается въ опредѣленной области существенно важныхъ для жизни общества отношеній, то эта монистическая тенденція, очевидно, не можетъ уже быть устранена изъ познанія. Но если она неустранима, то все, что ей противорѣчитъ въ общей системѣ познанія, должно измѣниться, перестроиться такъ, чтобы оказаться въ гармоніи съ необходимой тенденціей, должно быть подведено подъ нее. А если этого не произойдетъ, то въ познаніи останется рядъ противорѣчій, которыя составятъ большой минусъ жизненной энергіи. Ибо если даже въ каждомъ

Въ анализѣ исторически смѣнявшихся системъ познанія такое вліяніе новыхъ высшихъ формъ обобщенія на низшія играетъ даже, какъ увидимъ въ дальнѣйшемъ, очень важную роль. Только благодаря этому вліянію могли развиться такія, сравнительно, однородныя системы познанія, какія наблюдаются на раннихъ стадіяхъ культуры.

Точный смыслъ матеріалистической предпосылки заключается въ томъ, что изслѣдователь, наблюдая новую монистическую тенденцію въ высшихъ обобщеніяхъ, обязанъ искать ея начала въ сферѣ низшихъ обобщеній, а ея причинъ—въ сферѣ непосредственныхъ отношеній человека къ природѣ. Но, наблюдая измѣненія въ сферѣ низшихъ формъ, онъ можетъ предполагать ихъ ближайшій источникъ и въ средѣ внѣ-познавательной, и въ области высшихъ обобщеній; только, если окажется послѣднее, то онъ обязанъ дальше прослѣдить происхожденіе новой тенденціи, отъ высшихъ обобщеній къ другой группѣ низшихъ, а отъ этихъ—опять-таки къ средѣ внѣ-познавательной.

Среда внѣ-познавательная необходимо является исходной точкой историческаго объясненія познавательныхъ процессовъ. Объяснять измѣненія ихъ формъ, не выходя изъ области познанія—значило бы только толочься на мѣстѣ и ничего въ сущности не объяснять.

6. Внѣ-познавательныя основы познанія.

Познаніе есть система приспособленій къ общественно-трудовой борьбѣ за существованіе, выражаясь кратко—къ „производству“. Эта борьба реально представляетъ изъ себя единый, нераздѣльный процессъ, но въ интересахъ изслѣдованія можетъ быть разграничена на двѣ основныя группы явленій. Всѣ непосредственныя воздѣйствія общественнаго человека на внѣшнюю природу составляютъ въ своей совокупности процессъ техническій; а тѣ общественно-психическіе процессы, которые не представляютъ изъ себя прямого воздѣйствія на внѣ-соціальный міръ, образуютъ вмѣстѣ процессъ идеологическій.

Нетрудно понять, до какой степени относительно это разграниченіе. Во всякомъ конкретномъ человѣческомъ поступкѣ можно различить оба момента—технический, поскольку поступокъ есть дѣйствіе внѣшнее, идео-

частномъ случаѣ противорѣчіе, напр., двухъ понятій чувствуется не очень сильно, излишняя затрата энергіи не очень велика, то вѣдь эти понятія могутъ тысячи разъ сталкиваться въ каждомъ изъ многихъ тысячъ индивидуальныхъ сознаній, и общая сумма лишней затратъ энергіи окажется громадна.

логическій—поскольку это дѣйствіе исходитъ изъ извѣстныхъ понятій. Всякая область человѣческой жизни имѣетъ свою технику и свою идеологию. Такъ, производство матеріальныхъ продуктовъ, кромѣ техники, которая состоитъ въ воздѣйствіяхъ на средства производства, обладаетъ своей идеологіей—комплексомъ понятій, при посредствѣ которыхъ эти воздѣйствія только и могутъ связываться въ единый, цѣлесообразный процессъ труда. Правовая, нравственная жизнь, кромѣ идеологической стороны, на которую здѣсь обыкновенно больше всего обращаютъ вниманія,—кромѣ правовыхъ и нравственныхъ понятій, имѣетъ сторону техническую—правовое и нравственное воздѣйствіе однихъ людей на другихъ¹⁾. Научное изслѣдованіе невозможно безъ определенной техники—примѣненія приборовъ съ одной стороны, символовъ, письменныхъ знаковъ—съ другой. Познаніе вообще, при своемъ, несомнѣнно, идеологическомъ содержаніи, невозможно безъ своей технической формы—рѣчи, письма, вообще—выражающихъ реакцій (которыя представляютъ изъ себя воздѣйствіе на различные элементы вѣшной природы: на атмосферу—при процессѣ рѣчи, сводящемся къ производству звуковыхъ волнъ, на соотвѣтственные орудія труда—перо, бумагу, чернила—при процессѣ письма, и т. д.).

Для ученія о развитіи разграниченіе технического и идеологического процесса очень важно въ томъ отношеніи, что даетъ возможность выяснить послѣдовательность общественнаго развитія. Какъ было раньше указано, во всякой системѣ приспособленій развитіе начинается съ тѣхъ ея элементовъ, которые имѣютъ наиболѣе непосредственное отношеніе къ борьбѣ за существованіе, съ тѣхъ, которые наиболѣе непосредственно подвергаются „подбирающему“ вліянію вѣшной среды. Это—общее біологическое положеніе, вытекающее изъ понятія о подборѣ, какъ причинѣ развитія; въ примѣненіи къ данному случаю оно означаетъ, что формы процесса технического развиваются первично, формы же идеологическія опредѣляются ими въ своемъ развитіи, слѣдуетъ за ними и непрерывно приспособляются къ нимъ въ общественномъ процессѣ.

¹⁾ На первый взглядъ, правовое и нравственное воздѣйствіе однихъ людей на другихъ не подходитъ подъ опредѣленіе техники—непосредственное воздѣйствіе на вѣшнюю природу. Но надо помнить, что понятіе „общества“ относительно, что человѣкъ „соціален“ не во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ: поскольку является для общества потребность воздѣйствовать на данное лицо въ правовомъ или нравственномъ смыслѣ, постольку, значитъ, лицо это является въ обществѣ элементомъ противорѣчія, элементомъ „внѣ-соціальной“ природы, съ которымъ общество борется, хотя бы и не суровыми средствами.

Такимъ образомъ, изъ общей біологической идеи о приспособленіяхъ болѣе непосредственнаго и менѣе непосредственнаго характера выводится основное положеніе матеріалистическаго метода въ общественной наукѣ: **искать первичныхъ измѣненій въ области техническаго процесса**¹⁾.

Познаніе, по своему содержанію (формы обобщенія, формы различенія), представляетъ идеологическій элементъ общественной жизни. Следовательно, его развитіе опредѣляется развитіемъ формъ техническихъ, формъ непосредственнаго воздѣйствія челоуѣка на природу.

Формы техническія суть формы общественныя. Следовательно, каждая изъ нихъ можетъ быть разложена на индивидуально-психическіе элементы, представляетъ изъ себя комплексъ индивидуально-психическихъ формъ, взаимно-соотвѣтственныхъ, взаимно-приспособленныхъ. Взаимное отношеніе этихъ индивидуально-психическихъ элементовъ общественной формы можно назвать ея соціальнымъ строеніемъ. Соціальное строеніе технической формы, это то же самое, что форма сотрудничества. Если, напр., данная техническая форма имѣетъ своимъ содержаніемъ выполненіе различными особями одинаковыхъ трудовыхъ процессовъ, то это можно обозначить, какъ однородную форму сотрудни-

¹⁾ Этимъ данный методъ не исчерпывается. Изъ той же біологической идеи можетъ быть выведено другое основное соціологическое положеніе: то, которое ближайшимъ образомъ было формулировано основателями метода въ известной фразѣ о базисѣ и надстройкахъ. Цѣлыя области соціальной жизни, съ ихъ техникой и идеологіей, могутъ разсматриваться, одни—какъ первично развивающіяся, другія—какъ развивающіяся вторично. Такъ, если взять общество въ его цѣломъ, то жизнь политическая, правовая, этическая, и т. д., создающая внутреннюю приспособленность общества, приспособляющая одни элементы соціального цѣлага къ другимъ, выступаетъ, какъ вторичная область развитія по сравненію съ производствомъ матеріальныхъ продуктовъ, непосредственно создающимъ внѣшнюю приспособленность общества.

Исторія подтверждаетъ правильность обѣихъ посылокъ метода: съ одной стороны она показываетъ, что понятія измѣняются вслѣдъ за техникой и въ соотвѣтствіи съ нею, съ другой—что жизнь политическая, правовая, и т. д., даже возникаетъ на почвѣ потребностей, порождаемыхъ непосредственной борьбою съ внѣшней природою, и затѣмъ развивается, слѣдуя за ихъ развитіемъ.

Свой взглядъ по такому важному вопросу я позволилъ себѣ формулировать въ примѣчаніи потому, что здѣсь я нѣсколько уклонился отъ непосредственной темы изслѣдованія. Подробнѣе объ единствѣ обще-біологическаго и соціологическаго метода излагалось въ предыдущей работѣ („Основн. элем. историч. взгляда на прир.“).

Естественно, что при такихъ воззрѣніяхъ мы не можемъ признать никакой научной цѣнности за эклектической путаницей Вольмана, который полагаетъ, что съ

чества, однородное социальное строение технической формы; если взаимно связанные трудовые процессы не сходятся, то форма сотрудничества *разнородная*; примѣромъ первого можетъ служить трудъ двухъ пильщиковъ, которые распиливаютъ бревно, примѣромъ второго—трудъ двухъ каменщиковъ, изъ которыхъ одинъ подаетъ кирпичи, а другой укладываетъ ихъ.

Какъ неоднородныя, такъ и однородныя формы сотрудничества подлежатъ дальнѣйшей классификаціи; но въ данный моментъ наша задача заключается не въ томъ. Надо какъ можно лучше уяснить себѣ тотъ фактъ, что формы сотрудничества не представляютъ чего-либо отдѣльнаго отъ техническихъ формъ, что первыя—только социальная характеристика послѣднихъ. Содержаніе тѣхъ и другихъ одно и то же, а именно—технический процессъ. Для технического процесса распиливанія бревна „техническая форма“ заключается въ единствѣ и отдѣльности данного комплекса дѣйствій вообще, во всей постоянной закономерности, охватывающей данныя дѣйствія двухъ людей въ ихъ взаимной связи; описывая эту „форму“, пришлось бы говорить о рядѣ прямолинейныхъ движеній въ ту и другую сторону, поочередно выполняемыхъ двумя работниками, о способѣ держать при этомъ пилу, т. д. Но пусть изслѣдованіе въ извѣстный моментъ не нуждается въ полномъ представленіи всей закономерности данного технического процесса, а обращаетъ вниманіе только на социальный характеръ этого процесса, на его общественную закономерность, на постоянныя черты взаимнаго отношенія между особями при выполненіи этого процесса: тогда предметомъ изслѣдованія является не форма техники вообще, а только форма сотрудничества. Въ нашемъ примѣрѣ ея приблизительное описаніе сведется къ слѣдующему: оба пищика выполняютъ одинаковыя производственныя дѣйствія, и сознательно приспособляютъ, каждый свои дѣйствія къ дѣйствіямъ другого (форма однородная—организованная).

Если форма вообще есть абстрактное представленіе единства и отдѣльности какого-нибудь процесса, то форму одного и того же процесса можно представлять неодинаково, смотря по тому, всѣ ли вмѣстѣ черты единства и отдѣльности мы будемъ обособлять въ познаніи, или только нѣкоторыя, и какія именно. Форма сотрудничества и означаетъ обособленіе въ познаніи не всѣхъ, а только нѣкоторыхъ элементовъ единства и отдѣльности техниче-

одной стороны законъ подбора сохраняется въ обществѣ, съ другой—ограничивается „техникой и умомъ“, съ третьей—переходить въ „подборъ орудій“, съ четвертой—принимаетъ форму подбора „военнаго, медицинскаго, экономическаго, юридическаго, политическаго“, и т. д.

скаго процесса, именно — его соціальной стороны; это — соціальная характеристика даннаго проявленія трудовой дѣятельности людей.

Итакъ, форма сотрудничества есть высшая степень абстракціи отъ того же реальнаго явленія, познаніе котораго выражается въ формѣ технической. Первая выражаетъ соціальное соотношеніе элементовъ второй; первая заключается во второй, а не наоборотъ.

Понятіе „формы сотрудничества“, такимъ образомъ, гораздо менѣе содержательно, чѣмъ понятіе „формы технической“. Чтобы еще ярче иллюстрировать различіе въ содержательности двухъ понятій, беремъ новый примѣръ. — Ремесленникъ, производящій въ городѣ земледѣльческія орудія, и крестьянинъ, доставляющій на рынокъ хлѣбъ, принадлежатъ къ одному соціальному цѣлому. Ихъ дѣйствія соціально приспособлены къ ихъ общей борьбѣ за существованіе; поэтому обѣ системы дѣйствій въ ихъ совместномъ единствѣ и отдѣльности могутъ познаваться какъ содержаніе одной технической формы. Этому отнюдь не противорѣчитъ чисто внѣшняя, кажущаяся независимость дѣятельности одного отъ дѣятельности другого: въ общемъ процессѣ производства та и другая дѣятельность связаны неразрывно, одна немыслима безъ другой; производство земледѣльческихъ орудій есть необходимая начальная стадія того производственнаго процесса, который завершается земледѣльцемъ, и производство хлѣба земледѣльцемъ есть необходимое условіе продолженія дѣятельности ремесленника. Форма техническая здѣсь оказывается весьма содержательна: она охватываетъ всю постоянную послѣдовательность выполняемыхъ тѣмъ и другимъ дѣйствій, всю постоянную связь этихъ дѣйствій съ опредѣленными внѣшними условіями, при которыхъ совершаются эти дѣйствія, наконецъ — взаимное соотношеніе тѣхъ и другихъ дѣйствій, какъ по количеству затратъ трудовой энергіи, такъ и по направленію — на различные предметы внѣшней среды. Что же касается до соціальной характеристики этой технической формы, до формы сотрудничества, то она такъ мало содержательна, что ей трудно дать обозначенія, кромѣ чисто отрицательныхъ. Во-1) производственная роль особей различна, т. е. индивидуально-психическія формы, входящія въ составъ технической, неодинаковы: форма сотрудничества не однородная. Во-2) трудъ обѣихъ особей не является непосредственно объединеннымъ при помощи сознанія; по формѣ ихъ дѣйствія вполне самостоятельны, они не приспособляются сознательно одно къ другому, они не связаны сознательной совместной организаціей: форма сотрудничества не организована. Неоднородность и неорганизованность формы

технической—вот и все, въ данномъ случаѣ, содержаніе формы сотрудничества.

Такова та предварительная классификація, съ которой намъ придется вести дальнѣйшій анализъ. Формы техническія—это всякія формы непосредственнаго воздѣйствія соціальнаго человѣка на внѣшнюю природу; формы сотрудничества—это соціальная структура техническихъ формъ; наконецъ, формы идеологическія—это формы непрямого приспособленія людей къ общественной борьбѣ съ внѣшнею природою.

Приведенный здѣсь рядъ опредѣленій можетъ подать поводъ къ возраженіямъ уже въ силу того, что такія опредѣленія не вполнѣ обычны (хотя и не новы). Прежде всего, можетъ показаться, что этими формулами объединяются вещи весьма разнородныя, и наоборотъ, разграничиваются явленія весьма близкія между собою. Техника рѣчи, техника микроскопическаго изслѣдованія укладывается въ одну категорію съ техникой паханія земли; между тѣмъ въ такомъ нераздѣльномъ явленіи, какъ актъ обмѣна, приходится выдѣлить съ одной стороны моментъ техническій—матеріальное перемѣщеніе товаровъ, денегъ, векселей—съ его формой сотрудничества—взаимное отношеніе дѣятельности различныхъ людей при этомъ перемѣщеніи,—съ другой стороны, моментъ идеологическій—измѣняющіяся при этомъ понятія людей о правѣ собственности того или другого изъ нихъ на тотъ или другой товаръ. Не является ли разграниченіе слишкомъ искусственнымъ—слишкомъ тонкимъ, и въ то же время во многихъ случаяхъ недостаточнымъ?

Всякое познавательное разграниченіе правильно постольку, поскольку оно является цѣлесообразнымъ въ изслѣдованіи; стало быть, степень его пригодности можетъ опредѣляться лишь въ зависимости отъ той задачи, которую ставитъ себѣ изслѣдователь.—Въ нашемъ случаѣ задача заключается въ выясненіи той связи развитія, которая существуетъ между формами познанія и ихъ жизненной средой—явленіями внѣ-познавательными. При этомъ, какъ ближайшая среда, къ которой непосредственно приспособляется познаніе, были выдѣлены явленія соціальной борьбы за существованіе; и это было сдѣлано на томъ основаніи, что познаніе есть система приспособленій для пластики и координаціи формъ общественно-трудового процесса. Проявленія общественного процесса многочисленны и разнообразны; требуется классификація ихъ для изслѣдованія генезиса и развитія формъ познанія: очевидно, что въ каждой категоріи этой классификаціи должны быть объединены такіе элементы процесса, которые стоятъ въ одинаковомъ отношеніи къ генезису и развитію познанія, какъ бы эти элементы ни были различны въ другихъ отношеніяхъ; и должны быть раздѣлены такіе эле-

менты, которые стоятъ въ различномъ отношеніи къ предмету изслѣдованія, какъ бы тѣсно ни связывались они въ реальности.—Ибо реальность все равно нераздѣльна, и всякое разграниченіе ея процессовъ есть лишь временно необходимая абстракція, и всякая такая абстракція законна, поскольку цѣлесообразна.

Какъ мы видѣли, критеріемъ истины для формы познанія является внѣшняя дѣятельность, съ нею связанная, изъ нея вытекающая; выражаясь точнѣе—процессы подбора, возникающіе благодаря этой дѣятельности и черезъ нее дѣйствующіе на познаніе. Отрицательный психическій подборъ, прямо разрушающій данную форму внѣшней дѣятельности, косвенно приводитъ къ разрушенію неразрывно ассоціированныя съ нею формы познанія, а затѣмъ—къ замѣнѣ ея новыми, которыя складываются опять-таки на почвѣ внѣшней дѣятельности.

Изъ этого видно, что всякія формы внѣшней дѣятельности стоятъ въ одинаковомъ отношеніи къ генезису и развитію познанія; а потому всѣ онѣ должны составлять одну категорію въ историческомъ изслѣдованіи. Идетъ-ли дѣло о производствѣ матеріальныхъ продуктовъ, о борьбѣ за тѣ или иные общественныя формы (въ сферѣ правовой и политической жизни), или о передачѣ идей отъ одного лица другому (въ актѣ рѣчи),—во всѣхъ этихъ случаяхъ человѣкъ вступаетъ въ непосредственное общеніе съ внѣшней средою; и общеніе это ведетъ къ тѣмъ процессамъ подбора, которые управляютъ развитіемъ формъ познанія, управляютъ черезъ посредство измѣненій въ формахъ внѣшней дѣятельности.

Поэтому вполне логично связать въ одну категорію всѣ тѣ общественныя формы, содержаніе которыхъ составляютъ непосредственныя отношенія человѣка къ природѣ. Названіе же „формъ технических“ удобно здѣсь, собственно, потому, что слово „техника“ употребляется какъ разъ для обозначенія методовъ внѣшней дѣятельности: техника производства, распредѣленія, познанія, и т. под. Всю остальную область общественныхъ процессовъ приходится также соединить въ общую категорію явленій идеологическихъ.

Такое общее разграниченіе можетъ оставаться достаточнымъ, конечно, только для начальныхъ стадій анализа, и въ дальнѣйшемъ должно уступить свое мѣсто разграниченіямъ болѣе частнаго характера.

Слѣдуетъ никогда не забывать реальной нераздѣльности процесса технического и идеологического: въ общественной жизни моментъ идеологическій всегда представляетъ звено въ ряду техническихъ моментовъ, и только ради

нихъ существуетъ, какъ ихъ реальная связь. Пусть люди увидали волка и убили его; это—актъ общественной борьбы за существованіе, актъ общественно-полезнаго труда. Актъ этотъ начинается съ воспріятія—момента техническаго въ томъ смыслѣ, что здѣсь люди вступаютъ въ непосредственное отношеніе къ внѣшней средѣ (недаромъ эта сторона дѣятельности допускаетъ употребленіе орудій, повышающихъ производительность затратъ энергіи, какъ очки, телескопы, и т. под.). Далѣе, каждый человѣкъ переходитъ къ понятію о волкѣ, объ угрожающей отъ него опасности и о возможности совмѣстными усиліями устранить эту опасность. Наконецъ, въ зависимости отъ этихъ понятій, вновь выступаетъ моментъ техническій—внѣшняя дѣятельность—люди убиваютъ волка; для этого момента можно отмѣтить его социальную характеристику—опредѣленную форму сотрудничества. И такъ какъ развитіе всегда опредѣляется измѣненіями внѣшней среды, то, очевидно, что въ центральной области процесса—въ идеологической сферѣ—оно можетъ исходить только изъ крайнихъ областей, обонхъ техническихъ моментовъ—воспріятія и воздѣйствія.

7. Формы сотрудничества и монистическая тенденція.

Вопросъ о связи формъ сотрудничества и монистическихъ тенденцій познанія настолько сложенъ, что анализъ его удобнѣе вести на частномъ примѣрѣ. Примѣръ будетъ, конечно, не вполне конкретный, нѣсколько схематичный—иначе онъ не былъ бы достаточно простымъ.

Передъ нами социальное цѣлое съ весьма однороднымъ строеніемъ техническихъ формъ. Въ дѣйствительности, полной однородности формъ сотрудничества никогда не наблюдается, но все-таки извѣстный типъ ихъ выступаетъ, какъ преобладающій; абстрактный же методъ принужденъ всегда начинать съ идеализаціи социального строенія, даннаго въ исторіи, чтобы затѣмъ, опираясь на полученные отвлеченные выводы, переходить къ изслѣдованію конкретныхъ явленій. — Положимъ, что социальная однородность сводится къ раздѣленію труда организаторскаго и исполнительскаго, т. е. всякое социальное дѣйствіе складывается изъ организаторскаго дѣйствія одного члена социальной группы и исполнительскихъ дѣйствій другихъ членовъ. А распоряжается, *B, C, D...* дѣйствуютъ сообразно распоряженіямъ. Въ наибольшей мѣрѣ къ этому абстрактному изображенію подходитъ организація патріархально-родового общества, гдѣ другія формы сотрудничества играютъ сравнительно ничтожную роль.

Познаніе должно приспособляться къ технике вообще — стало быть, къ

ея соціальному строенію. Въ силу этого, въ нашемъ примѣрѣ всякая форма познанія, относящаяся къ соціальному дѣйствію, должна представлять изъ себя неразрывную ассоціацію понятія о дѣятельности организующей съ понятіемъ о дѣятельности организуемой. Всякая иначе построенная форма познанія соціальныхъ дѣйствій оказалась бы практически несостоятельной, не выдержала бы общественнаго подбора. Ни организаторъ не сталъ бы приказывать, если бы въ его психикѣ не было такой неразрывной ассоціаціи понятія о приказаніи съ понятіемъ объ исполненіи, ни организуемые не стали бы повиноваться, — т. е. строеніе общественнаго цѣлаго было бы не таково, какъ принято въ нашей абстракціи.

При такомъ строеніи познавательныхъ формъ нетрудно выяснитъ направление монистической тенденціи ихъ развитія. Въ процессѣ обобщенія разнообразіе конкретныхъ чертъ этихъ формъ все болѣе уменьшается по мѣрѣ того, какъ процессъ идетъ дальше; и, наконецъ, оно совсѣмъ исчезаетъ въ послѣднемъ обобщеніи; и это обобщеніе выражаетъ то, что есть общаго во всѣхъ техническихъ формахъ, то, что остается, когда откинуты всѣ различія ихъ реальнаго содержанія. Остается именно соціальное строеніе техническихъ формъ, въ нашемъ примѣрѣ — ихъ постоянная двойственность. Такимъ образомъ отъ конкретныхъ представленій о соціальныхъ дѣйствіяхъ людей монистическая тенденція шагъ за шагомъ приводитъ къ сужденію о двойственности по составу всевозможныхъ общественно-человѣческихъ дѣйствій, о томъ, что каждое такое дѣйствіе складывается изъ организующаго и исполнительскаго. Конечно, не обязательно въ такомъ именно видѣ должна быть выражена формула послѣдняго возможнаго обобщенія общественно-технической жизни, но необходимо таковъ долженъ быть смыслъ послѣдняго обобщенія при данной тенденціи.

Какъ было уже выяснено, монистическая тенденція, разъ она сложилась, стремится охватить не только ту область жизненнаго опыта, гдѣ она возникла, но — все познаніе. Подъ необходимыя послѣднія обобщенія сферы общественно-технической подводится, мало-по-малу, все богатство наличныхъ формъ познанія; совершается это, конечно, путемъ ихъ послѣдовательнаго преобразованія подѣ дѣйствіемъ общественнаго подбора, а результатомъ такого преобразованія является гармоническое строеніе всей системы познавательныхъ формъ въ каждой отдѣльной психикѣ и во всѣхъ ихъ вмѣстѣ. Такимъ образомъ и всякое чисто-индивидуальное дѣйствіе начинается разсматриваться, какъ сочетаніе дѣятельности организующей и организуемой; тогда уже та и другая представляются соединенными въ одной особи. Возникаетъ дуалистическое понятіе о человѣкѣ. Оно распростра-

няется, далѣе, и на всѣ внѣ-соціальныя явленія. Всякій предметъ въ природѣ разлагается на „душу“ и „тѣло“ ¹⁾).

Такимъ образомъ получается то однородно-дуалистическое міровоззрѣніе, которое составляетъ сущность такъ называемаго „анимизма“ или натурального фетишизма. — Само собою разумѣется, что полная однородность міровоззрѣнія можетъ быть достигнута лишь за цѣлый соціальный періодъ развитія, ибо всякая монистическая тенденція осуществляется лишь весьма медленно, въ безконечномъ рядѣ явленій психического и общественнаго подбора ²⁾).

Патріархально-родовое общество, которое по своему строенію всего болѣе приближается къ схемѣ, изображенной въ нашемъ примѣрѣ, это общество характеризуется также наибольшимъ развитіемъ анимистической тенденціи. Но, конечно, и тамъ эта тенденція была не единственной, а только господствующей: во всякомъ обществѣ всегда существуютъ различные типы сотрудничества, и какъ приспособленіе къ нимъ — различныя монистическія тенденціи. И съ теченіемъ времени та или другая изъ нихъ въ свою очередь становится господствующимъ типомъ мышленія — поскольку получаетъ фактическое преобладаніе соотвѣтственная форма сотрудничества. Поскольку же сохраняется прежній соціальный типъ производства — постольку удерживается прежній типъ мышленія. Кромѣ патріархально-родового общества, исторія знаетъ еще немало „авторитарныхъ“ общественныхъ организацій (т. е. основанныхъ на рѣзкомъ отдѣленіи труда организаторскаго и исполнительскаго, на „подчиненіи“); и всѣ онѣ, являлись ли въ видѣ самостоятельныхъ обществъ (деспотіи) или классовыхъ группъ (іерархіи, бюрократіи) всегда обнаруживали особенную склонность къ анимистическому мышленію. Въ наше время организованная по тому же

¹⁾ Напомню, почему такое распространеніе монистической тенденціи на всю область опыта становится въ данномъ случаѣ необходимымъ. Указанная тенденція не устранима, потому что она неизбежно возникаетъ въ сферѣ непосредственной борьбы общества съ внѣшней природой. Всякая форма познанія, построенная не по типу этой тенденціи, будетъ сталкиваться въ психикѣ съ формами, построенными именно по этому типу, и будетъ оказываться, говоря вообще, въ нѣкоторомъ противорѣчій съ ними. Но противорѣчіе означаетъ дѣятельность психического [подбора, и вызываетъ пластику, стремящуюся къ гармоніи формъ; а это въ данномъ случаѣ можетъ достигаться лишь путемъ перестройки всѣхъ формъ, не подходящихъ къ монистической тенденціи, построенныхъ не по ея типу.

²⁾ Можно ли примѣнять терминъ „монистическая тенденція“ къ натуральному фетишизму — чистѣйшей и болѣе типичной формѣ „дуализма“. Можно, такъ какъ въ этомъ сочетаніи терминъ „монизмъ“ означаетъ лишь систематизацію формъ познанія, тенденцію къ однородности строенія и отсутствію внутреннихъ противорѣчій.

авторитарному типу семья (крестьянская, мѣщанская, феодальная) продолжаетъ оставаться наиболѣе прочной опорой анимистическихъ формъ познанія.

Примѣненный нами способъ абстрактнаго анализа, очевидно, приложимъ ко всякому комплексу однородныхъ формъ сотрудничества. Изъ этого вытекаетъ такое методологическое положеніе: въ процессѣ познавательнаго приспособленія къ данной Technikѣ направленіе монистической тенденціи непосредственно опредѣляется социальнымъ стремленіемъ техническихъ формъ, формами сотрудничества.

Выясняя, что анимизмъ есть познавательная форма приспособленія къ опредѣленному типу отношеній сотрудничества, я отнюдь не имѣлъ въ виду утверждать, что это—единственно возможная для такихъ отношеній форма приспособленія. Въ зависимости отъ всей совокупности историческихъ условий, жизненный процессъ можетъ къ одинаковому въ двухъ случаяхъ строенію среды приспособиться неодинаковымъ путемъ.—Вполнѣ возможенъ—и дѣйствительно наблюдается—такой случай, когда одна—низшая—монистическая тенденція поглощается другой, высшею, т. е. соотвѣтствующей болѣе высокимъ ступенямъ развитія сотрудничества. Это возможно тогда, когда высшая форма сотрудничества включаетъ въ себя низшую, когда болѣе сложное строеніе первой можетъ быть разложено, между прочимъ, и по тому болѣе простому типу, который наблюдается во второй.

Такъ въ современномъ обществѣ рядомъ съ описаннымъ „дуалистическимъ“ типомъ организованнаго сотрудничества встрѣчается еще другой типъ организованнаго сотрудничества—назовемъ его „синтетическимъ“. Типъ этотъ, наблюдаемый въ нѣкоторыхъ демократическихъ организаціяхъ, я опишу пока лишь настолько, насколько это нужно для моей ближайшей цѣли. Въ синтетическомъ сотрудничествѣ организаторская дѣятельность не отдѣляется отъ исполнительской настолько, чтобы каждая изъ нихъ воплощалась въ особомъ лицѣ; здѣсь та и другая выступаютъ совмѣстно, сливаются такимъ образомъ, что въ общемъ процессѣ труда организаторъ и исполнитель постоянно мѣняются ролями, взаимно контролируя другъ друга. Напр., когда нѣсколько человѣкъ сообща, на равныхъ правахъ ведутъ какое-нибудь дѣло, то какъ въ процессѣ обсужденія, такъ и въ процессѣ выполненія этого дѣла каждый изъ нихъ поочередно выступаетъ то въ роли организатора, то въ роли исполнителя. Онъ является организаторомъ, когда даетъ другимъ указанія и совѣты, какъ вести дѣло, когда подаетъ голосъ за или противъ опредѣленныхъ дѣйствій, предлагаемыхъ другими, вообще—когда вліяетъ на общія рѣшенія, опредѣляющія ходъ дѣла. Онъ—исполни-

тель, когда участвует въ непосредственномъ осуществленіи сообща принятыхъ рѣшеній, когда подчиняется выяснившейся общей волѣ.

Дѣйствія организаторскія, такимъ образомъ, отдѣляются отъ исполнительскихъ, но дѣятельности того и другого рода не раздѣлены. Эта частная характеристика синтетическаго сотрудничества ясно показываетъ, что его болѣе сложная форма можетъ быть разложена и по тому типу, который описанъ въ нашемъ примѣрѣ: во всякій моментъ трудового процесса организаторскій трудъ можетъ быть отдѣленъ отъ исполнительскаго. Естественно, что высшая монистическая тенденція, приспособляющая познание къ синтетическому сотрудничеству, можетъ оказаться подходящей формой приспособленія и для низшей формы сотрудничества, если она существуетъ рядомъ съ высшею.

Въ нашемъ примѣрѣ конкретное содержаніе техническихъ формъ оказалось настолько различнымъ, что всѣ черты ихъ единства свелись исключительно къ ихъ соціальному строенію, къ ихъ однородной двойственности; она одна такимъ образомъ и составила все содержаніе монистической тенденціи. Но мыслимъ и другой случай: въ конкретномъ содержаніи всѣхъ техническихъ формъ могутъ оказаться еще иные сходные элементы, помимо соціальнаго типа этихъ формъ; могутъ сложиться такіе общіе методы воздѣйствія на внѣшнюю природу, которые въ основныхъ чертахъ оказываются примѣнны во всѣхъ видахъ внѣшней соціально-трудоу дѣятельности.

Нетрудно понять, что тогда содержаніе монистической тенденціи не сведется только къ соціальному строенію техническихъ формъ, но захватитъ и другіе ихъ общіе элементы, тѣ общіе методы воздѣйствія на природу, которые играютъ роль во всѣхъ техническихъ процессахъ. —Этотъ случай, пока, мыслимъ только теоретически; но уже въ наше время соціальная жизнь даетъ много намековъ на возможность такихъ общихъ техническихъ методовъ въ будущемъ.

8. Дальнѣйшій ходъ изслѣдованія.

Какъ выяснено, первые шаги абстрактнаго изслѣдованія исторически-даннаго комплекса формъ познанія должны заключаться въ анализѣ соціальнаго строенія изучаемой общественной формации: такимъ путемъ опредѣляются монистическія тенденціи эпохи. Далѣе, выступаетъ новая задача — опредѣлить мѣсто и значеніе каждой изъ этихъ тенденцій въ общемъ развитіи познанія.

Одно руководящее положеніе для рѣшенія новой задачи у насъ уже есть. Чѣмъ дальше подниматься къ высшимъ обобщеніямъ, тѣмъ въ большей мѣрѣ выступаетъ преобладаніе старыхъ тенденцій, хотя бы онѣ соответствовали уже отживающимъ, уже потерявшимъ господство формамъ сотрудничества; и наоборотъ, чѣмъ ниже спускаться къ болѣе частнымъ формамъ познанія, тѣмъ сильнѣе становится вліяніе новѣйшихъ тенденцій, вновь выступающихъ формъ сотрудничества (послѣднее относится особенно къ тѣмъ областямъ познанія, которыя соответствуютъ наиболѣе развивающимся частямъ общественнаго процесса). Этотъ важный принципъ выводится, какъ было выяснено, изъ фактовъ переживанія и недоразвитія познавательныхъ формъ.

Что касается вопроса о большей или меньшей роли различныхъ монистическихъ тенденцій въ жизни познанія, то онъ рѣшается, конечно, въ зависимости отъ большаго или меньшаго объективнаго значенія соответственныхъ формъ сотрудничества. Когда извѣстный типъ социальной структуры въ сферѣ производства распространяется въ большей и большей мѣрѣ, то вслѣдъ за тѣмъ должно возрастать значеніе связанной съ этимъ типомъ монистической тенденціи. Ибо, если познаніе есть приспособленіе общественной психики къ процессу производства, то въ наибольшей мѣрѣ оно должно приспособляться къ тѣмъ формамъ производства, которыя имѣютъ наибольшее значеніе.

Все это удобно было бы иллюстрировать на конкретныхъ примѣрахъ. Можно было бы, напр., прослѣдить, какимъ образомъ съ переходомъ патриархальнаго—родового или феодальнаго—общества въ мелко-буржуазное исчезаетъ анимистическая точка зрѣнія сначала въ сферѣ наиболѣе частныхъ понятій, затѣмъ въ области болѣе широкихъ обобщеній, гдѣ скоро становится замѣтною „метафизическая“ тенденція,—какъ эти измѣненія раньше всего и сильнѣе всего выступаютъ въ тѣхъ группахъ понятій, которыя берутъ свое начало въ наиболѣе прогрессивныхъ областяхъ производства, и т. д. Можно было бы также рассмотреть процессъ, исторически намъ болѣе близкій—прогрессивное вытѣсненіе метафизической тенденціи и послѣднихъ остатковъ анимизма новымъ типомъ мышленія, который уже намѣчается довольно ясно въ современномъ историко-энергетическомъ взглядѣ на природу, который соответствуетъ новой, „синтетической“ формѣ сотрудничества. Но какъ только мы приступаемъ къ анализу этихъ явленій, мы встрѣчаемся съ новымъ затрудненіемъ.

Единство общественнаго цѣлаго не есть абсолютное единство; понятіе „общества“ относительно. Рядомъ съ сотрудничествомъ выступаетъ внутри-

общественная борьба; общество распадается на социальныя группы. Таковы по крайней мѣрѣ всѣ позднѣйшія общества, со времени разложенія родового быта и до нашихъ дней. Каждая социальная группа есть отдѣльное общество, если стоять на точкѣ зрѣнія ея борьбы противъ другихъ группъ; и всѣ группы вмѣстѣ составляютъ единое общество, если остановиться на фактѣ общественнаго сотрудничества и отвлечься отъ явленій борьбы.

Разграниченіе социальныхъ группъ опредѣляется, какъ извѣстно, ихъ различною ролью въ производствѣ. Принимая во вниманіе этотъ фактъ, нетрудно понять, что въ предѣлахъ различныхъ группъ идеологическія формы развиваются не вполне одинаково.—Правда, монистическая тенденція общественнаго развитія направлена къ полной однородности общественной психологіи, къ полному соответствію познавательной жизни особей; но вѣдь передъ нами не вполне единое общество, по отношенію къ нѣкоторымъ жизненнымъ проявленіямъ оно распадается на цѣлый рядъ обществъ; и это даже не только по отношенію къ процессамъ внутри-общественной борьбы, но отчасти также и по отношенію ко многимъ другимъ производственнымъ процессамъ, въ которыхъ отсутствуетъ прямая связь сотрудничества между группами.

Поскольку отдѣльныя группы социального цѣлаго не сливаются въ общественномъ единствѣ, постольку онѣ, приспособляясь къ своимъ частнымъ условіямъ производства, должны обнаружить различныя тенденціи идеологическаго развитія. Это и наблюдается въ дѣйствительности: изъ прямого жизненнаго опыта извѣстно, насколько различны типы мышленія—рентьерскій, предпринимательскій, пролетарскій, мелко-буржуазный, и т. д.

Въ то же время, поскольку между различными социальными группами существуетъ фактическое сотрудничество, постольку должна существовать постоянная тенденція къ идеологическому единству общественнаго цѣлаго; ибо успѣшное сотрудничество возможно лишь при взаимномъ пониманіи особей. Отсюда болѣе или менѣе значительное сходство познавательной жизни различныхъ социальныхъ группъ; сходство это всего ярче выражается въ возрастающемъ единствѣ формъ рѣчи, напр., въ національномъ единствѣ языка.

Раздробленіемъ общества на социальныя группы историческій анализъ познанія усложняется, но методъ, очевидно, долженъ остаться тотъ же. Анализъ сотрудничества между социальными группами даетъ базисъ для послѣдованія общимъ формъ познанія, свойственныхъ всему социальному

Познаніе съ историч. точки зрѣнія.

цѣлому; анализъ сотрудничества въ предѣлахъ каждой группы позволяетъ разбраться въ ея спеціальныхъ идеологическихъ тенденціяхъ.

Съ эклектической точки зрѣнія при этомъ случаѣ нельзя не поднять вопроса о взаимномъ вліяніи соціальныхъ группъ въ ихъ идеологическомъ развитіи. Но это „взаимное вліяніе“ подлежитъ тому же соціальному подбору, которымъ вообще опредѣляется идеологическое развитіе каждой группы и всего общества; оно, слѣдовательно, возможно лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ соотвѣтствуетъ направленію тенденцій общественнаго подбора, а эти тенденціи въ свою очередь опредѣляются все тѣми же условиями производственной дѣятельности данной группы и соціального цѣлаго. Поэтому вліяніе одной группы не вноситъ въ идеологію другой группы ничего такого, что противорѣчило бы производственнымъ отношеніямъ этой послѣдней; иначе эта группа оказывается идеологически-неприспособленной и должна общественно деградировать.

Съ той же точки зрѣнія должно вестись изслѣдованіе идеологической жизни отдѣльной личности (въ критикѣ, въ біографіи). Оно должно исходить изъ анализа спеціальной производственной роли данной особи и различныхъ отношеній сотрудничества и борьбы, въ которыхъ она стояла къ другимъ особямъ своего класса и другимъ общественнымъ группамъ. Ибо и особь должна въ своемъ познаніи приспособляться къ спеціальнымъ условіямъ своей общественной практики.

9. Общіе типы формъ сотрудничества и формъ мышленія.

Такъ какъ характеръ монистической тенденціи познанія всего ближе опредѣляется типомъ сотрудничества особей, то разнообразіе монистическихъ тенденцій должно приблизительно соотвѣтствовать разнообразію формъ сотрудничества. А такъ какъ это разнообразіе очень велико, то приобретаетъ особенно важное значеніе для изслѣдованія цѣлесообразная классификація формъ сотрудничества. Здѣсь я попытаюсь указать самыя общія, основныя разграниченія такой классификаціи, при чемъ рядомъ съ опредѣленными типомъ сотрудничества буду по возможности давать характеристику соотвѣтствующаго типа мышленія (конечно, въ самыхъ основныхъ чертахъ).

а) Простѣйшая изъ извѣстныхъ намъ формъ общественности—назовемъ ее первичнымъ сотрудничествомъ—едва можетъ быть подведена подъ понятіе „сотрудничества“, это даже скорѣе стадность, а не сотрудничество. Но въ то же время это—логически необходимая исходная точка развитія всѣхъ болѣе высокихъ формъ общественности.

Первичная форма социальнаго строенія отличается однородностью и неорганизованностью. Ея сущность заключается въ томъ, что всѣ совмѣстно живущія особи выполняютъ приблизительно одинаковыя дѣйствія для сохраненія своей жизни, и выполняютъ ихъ, вообще говоря, самостоятельно. Слѣдовательно, психическія формы общественнаго процесса приблизительно однородны въ различныхъ особяхъ, и въ то же время дѣйствія особей не объединены, не организованы въ каждомъ частномъ случаѣ. Эти дѣйствія индивидуальны по своей формѣ, потому что орудія производства—камень, палка,—и его матеріалы—плоды, корни, зерна, мелкія животныя,—не требуютъ координаціи одновременныхъ усилій многихъ особей. Каждая особь почти все добываетъ для себя сама, случайный же излишекъ послѣ удовлетворенія непосредственной потребности она охотно предоставляетъ всякой другой особи своей группы. Такимъ образомъ эпоха „индивидуальнаго исканія пищи“¹⁾ есть въ то же время эпоха нѣкотораго своеобразнаго коммунизма; выражаясь точнѣе, тамъ нѣтъ еще ни индивидуализма, ни коммунизма, такъ какъ для эмбриональнаго состоянія общества никакая опредѣленная характеристика не можетъ быть вполне подходящей: опредѣленность строенія есть продуктъ долгаго развитія—это относится ко всѣмъ формамъ жизни.

Само собой разумѣется, что изображенное „первичное“ строеніе общества есть лишь абстракція: такая форма общественности, правда существовала и существуетъ вмѣстѣ съ высшими формами даже до сихъ поръ; но она никогда не могла быть единственной для даннаго общества, а всегда играла подчиненную роль по отношенію къ высшимъ формамъ, среди которыхъ она и теперь еще отчасти сохраняется, какъ остатокъ прошлаго, какъ выраженіе недостаточнаго развитія.

Какова же должна быть монистическая тенденція познанія, соотвѣтствующая такому типу социальнаго строенія? Ее едва ли возможно, и по меньшей мѣрѣ очень трудно установить при помощи абстрактнаго анализа, трудно для современнаго изслѣдователя. Дѣло въ томъ, что исходной точкой абстрактнаго изслѣдованія служатъ эмпирическія обобщенія, а въ данномъ случаѣ жизнь не даетъ подходящаго матеріала для обобщеній, которыя можно было бы положить въ основу анализа. Надо было бы имѣть наблюденія относительно того, какъ измѣняются формы познанія, когда распространяется и пріобрѣтаетъ господство данный типъ сотрудничества; а такихъ наблюденій нѣтъ, исторія не могла сохранить ихъ, на ея памяти эта форма общественности исчезаетъ.

¹⁾ Терминъ Бюхера.

Во всякомъ случаѣ, „первичная“ монистическая тенденція въ познаніи должна быть весьма неопредѣленная и мало-содержательная. До высшихъ обобщеній, охватывающихъ всякую реальность, она, вѣроятно, и неспособна довести познаніе; по крайней мѣрѣ у самыхъ низшихъ племенъ, у которыхъ сравнительно наиболѣе распространено первичное сотрудничество, изслѣдователи не могли констатировать и слѣдовъ высшихъ обобщеній.

б) Гдѣ возникаетъ необходимость въ прямомъ сочетаніи совмѣстныхъ усилий нѣсколькихъ человѣкъ, тамъ возникаетъ необходимость въ организованномъ образѣ дѣйствій, т. е. въ сознательномъ приспособленіи дѣйствій каждаго къ дѣйствіямъ всѣхъ. Въ простѣйшихъ случаяхъ организованность достигается безъ обособленія организаторской дѣятельности отъ исполнительской; это именно тогда, когда дѣйствія отдѣльных лицъ остаются приблизительно однородными, — напр., если нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ носятъ бревна, или сразу нападаютъ на большого, но не опаснаго звѣря, и т. под. Но по мѣрѣ того, какъ группа становится многочисленнѣе, а средства производства разнообразнѣе, — необходимо возрастаетъ и разнородность въ производственныхъ дѣйствіяхъ особей, и вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ и трудность прямого взаимнаго приспособленія индивидуальных дѣйствій въ производительномъ процессѣ. Приспособленіе создается тогда въ такомъ видѣ, что организаторская дѣятельность отдѣляется отъ различныхъ видовъ исполнительской (вначалѣ лишь слабо раздѣленныхъ между собою). Дальнѣйшее развитіе этой формы сотрудничества заключается въ томъ, что какъ исполнительская, такъ затѣмъ и организаторская дѣятельность распределяется между различными особями въ видѣ цѣлаго ряда спеціальностей. Таково разнородное организованное или авторитарное сотрудничество; примѣромъ основанной на немъ организаціи можетъ служить патріархальная группа кочевниковъ скотоводовъ, или болѣе сложная старо-индійская земледѣльческая община. Этотъ типъ соціального строенія становится преобладающимъ въ эпоху патріархально-родового быта, но и за ея предѣлами продолжаетъ играть выдающуюся, лишь постепенно уменьшающуюся роль въ жизни.

Основная познавательная тенденція авторитарнаго сотрудничества отчасти уже намѣчена въ предыдущемъ: анимистическій монизмъ. Тенденція эта оказывается нѣсколько болѣе содержательною, если ближе рассмотримъ вліяніе соціальной разнородности, спеціализаціи на типъ мышленія.

Когда соціальныя явленія совершаются однородно, тогда познаніе приспособляется къ нимъ, создавая опредѣленные законы явленій. Но какъ приспособляется оно, когда соціальныя процессы выступаютъ въ раз-

и родиныхъ проявленіяхъ? Тогда, будучи не въ силахъ объединить эти проявленія опредѣленной общей закономѣрностью, познаніе создаетъ формы мышленія, прямо противоположныя законамъ, формы мышленія, содержаніемъ которыхъ является беззаконность явленій (свобода воли, случайность).

Пояснимъ это конкретнѣе. Познаніе должно приспособиться къ процессу производства, который складывается изъ отдѣльныхъ организаторскихъ и исполнительскихъ дѣйствій. Какъ тѣ, такъ и другія дѣйствія весьма разнородны въ различныхъ случаяхъ.

Но въ то время, какъ всякое исполнительское дѣйствіе вполнѣ приспособляется къ тому организаторскому, за которымъ оно слѣдуетъ, вполнѣ ему соответствуетъ, — организаторскія дѣйствія не опредѣляются прямо другими дѣйствіями, не связаны съ ними непосредственно. — Эти общія черты двухъ типовъ дѣйствій входятъ и въ содержаніе послѣднихъ обобщеній познанія. Если раздѣленіе роли организаторской и исполнительской нашло свое познавательное выраженіе въ анимистической тенденціи, въ стремленіи разсматривать всякій предметъ познанія, какъ сочетаніе духовнаго и тѣлеснаго начала, — то указанныя черты той и другой роли приводятъ къ характеристикѣ обоихъ началъ: тѣлесное начало представляется, какъ нѣчто инертное, непосредственно обусловленное въ своихъ проявленіяхъ, въ своемъ движеніи; духовное же начало выступаетъ, какъ нѣчто „свободное“, необусловленное. Выражаясь философски, инертность становится атрибутомъ матеріи, свобода атрибутомъ духа ¹⁾).

Итакъ, монистическая тенденція, свойственная авторитарнымъ формамъ сотрудничества, характеризуется, вообще говоря, представленіемъ всякой реальности, какъ сочетанія двухъ началъ, духовнаго и вещественнаго; при

¹⁾ Является ли представленіе о „свободѣ“ духа, представленіе, вытекающее, какъ видимъ, изъ опредѣленнаго типа сотрудничества, практически полезнымъ приспособленіемъ? При наличности этого типа сотрудничества — да! При социальной разнородности, при значительномъ несохдствѣ психическихъ особей, каждый отдѣльный человѣкъ на основаніи своего психическаго опыта не можетъ создать себѣ представленія о постоянной закономѣрности поступковъ другихъ людей, играющихъ иную роль въ производствѣ. Такъ какъ поступки другихъ людей предвидѣть человѣкъ не можетъ, то необходима такая форма познавательнаго приспособленія, при которой никакое непредвидѣнное дѣйствіе другихъ людей не оказывалось бы вполнѣ неожиданнымъ, не приводило бы человѣка въ состояніе полной познавательной неприпособленности (изумленіе, недоумѣніе...). Такая форма мышленія есть идея „свободной воли“, т. е. стремленіе разсматривать человѣческія дѣйствія, какъ не законныя.

этомъ первое выступаетъ, какъ „свободное“ начало, второе — какъ инертное.

Аниимистическій типъ мышленія впервые создаетъ идею причинности, въ наименѣ совершенной ея формѣ; содержаніе этой идеи сводится къ дѣйствию одной вещи, какъ активной, на другую, какъ пассивную; связь явленій познается по образцу связи человѣческихъ дѣйствій (фетишистическое понятіе причинности).

с) Когда размѣры и разнообразіе производственной дѣятельности людей возрастаютъ до значительной величины, то единство организаторской дѣятельности, воплощаемое въ отдѣльной личности общаго высшаго организатора, такое единство становится невыносимымъ. Тогда шагъ за шагомъ устанавливается, путемъ долгаго и сложнаго процесса развитія, новая форма сотрудничества — разнородное неорганизованное или анархическое. Оно характерно для такъ называемаго „мѣноваго“ или рыночнаго хозяйства, для мелко-буржуазнаго и затѣмъ капиталистическаго общества. Этотъ типъ социальнаго строенія въ наибольшей мѣрѣ изслѣдованъ экономистами, и потому здѣсь можно обойтись безъ его описанія.

Монистическая тенденція анархическаго сотрудничества отличается, главнымъ образомъ, своей безсодержательностью: это тенденція, направленная къ обобщеніямъ настолько отвлеченнымъ, что въ нихъ всякое конкретное содержаніе исчезаетъ, и остается лишь слово; это — метафизическій типъ мышленія.

И въ самомъ дѣлѣ, въ какомъ видѣ долженъ познавать человѣкъ производственную дѣятельность, если она по своему социальному строенію неоднородна и не-организована? При такой чисто отрицательной, безсодержательной социальной характеристикѣ системы производства никакая содержательная тенденція монизма не была бы прямымъ приспособленіемъ. Монистическая тенденція выражается въ наиболѣе чистомъ видѣ въ послѣднихъ обобщеніяхъ познанія. Если дѣло идетъ о познаніи техническаго процесса, гдѣ, собственно, складывается монистическая тенденція, то въ послѣднемъ обобщеніи этой области должны исчезать всѣ конкретныя различія формъ производства. При этомъ какое же останется конкретное содержаніе для послѣднихъ обобщеній, если индивидуальныя элементы общественной техники разнородны, и нѣтъ прямой связи между техническими дѣйствіями общественныхъ единицъ? Получаются, въ концѣ идеологическаго развитія этого типа, такія безсодержательныя обобщенія, какъ „субстанція“ (у Спинозы), „бытіе“ или „реальность“ (у новѣйшихъ

философовъ), и т. под. Эта тенденція особенно ярко выражается въ стремленіи объяснять факты „свойствами“ или „внутренними потенціями“ различныхъ предметовъ, тогда какъ эти „свойства“ и „потенціи“ представляютъ лишь отвлеченное выраженіе тѣхъ же самыхъ фактовъ, которые надо объяснить.

Къ числу частныхъ проявленій метафизической тенденціи принадлежитъ такъ называемый „товарный фетишизмъ“, специальная форма познанія общественныхъ отношеній, свойственная анархическому типу сотрудничества. Эта форма познанія была гениально изслѣдована великимъ социологомъ; его анализъ представляетъ едва ли не первый въ исторіи случай примѣненія абстрактнаго метода въ вопросѣ о способѣ познанія.

Выводы этого анализа сводятся къ слѣдующему. Анархическое сотрудничество въ сферѣ распредѣленія имѣетъ своимъ выраженіемъ обмѣнъ. Къ мѣновымъ отношеніямъ каждый человѣкъ долженъ приспособляться — практически, а стало быть, и познавателью. Обобщеніе постоянной закономерности мѣновыхъ отношеній принимаетъ форму понятія о „цѣнности“. Въ дѣйствительности эта закономерность выражаетъ собою, какъ извѣстно, количественныя отношенія общественнаго труда, воплощеннаго въ товарахъ. Но при разнородности формъ и неорганизованности общественнаго труда, человѣкъ не можетъ связывать понятіе закономерности обмѣна съ понятіемъ объ общественномъ трудѣ; ибо, приспособляясь къ разнородности и неорганизованности общественнаго труда, онъ перестаетъ познавать этотъ трудъ, какъ единый, связанный процессъ, а познаетъ его, какъ различные виды труда, выполняемые независимо одинъ отъ другого. Благодаря такому способу познанія общественнаго процесса, человѣкъ не можетъ связать понятіе о цѣнности ни съ чѣмъ, кромѣ понятія о товарѣ: товаръ для него имѣетъ опредѣленную цѣнность самъ по себѣ, а не въ силу того факта, что воплощаетъ опредѣленное количество общественнаго труда. Такимъ образомъ реальное содержаніе понятія о цѣнности устраняется изъ сознанія; и въ этомъ сказывается все та же метафизическая тенденція — къ бессодержательнымъ обобщеніямъ.

Другой примѣръ метафизической бессодержательности обобщеній — это Кантовское понятіе о „долгѣ“, высшая формулировка мелко-буржуазной нравственности. Долгъ есть долгъ, и люди должны ему повиноваться, потому что онъ есть долгъ; никакихъ больше мотивовъ, и никакихъ объясненій!

Метафизическій типъ мышленія преобразуетъ старую идею причинности. Онъ сводитъ ее къ необходимой связи причины и слѣдствія, при чемъ между ними, кромѣ голой необходимости послѣдованія, не остается

никакого отношенія (ни количественнаго, ни качественного), — наиболѣе безсодержательная форма причинности.

d) Господство анархическаго сотрудничества означаетъ — какъ выяснено экономистами — хроническую, а временами и весьма острую неприпособленность людей къ ихъ взаимнымъ отношеніямъ. Уже сама по себѣ, эта неприспособленность, какъ таковая, требуетъ преобразованія формъ сотрудничества; а изъ нея разсмотрѣнія нетрудно вывести направленіе развитія.

Мѣновое общество является, въ силу своей неорганизованности, настоящимъ міромъ противорѣчій. Процессы общественнаго подбора, благодаря этому, становятся страшно интенсивны; они требуютъ величайшей пластичности техническихъ формъ, быстрого ихъ развитія. — Но въ то же время консерватизмъ человѣческихъ психикъ не уменьшается, а возрастаетъ, поскольку усиливается разнородность технической дѣятельности, спеціализація особей. Чѣмъ уже становится сфера труда для каждаго спеціалиста, тѣмъ меньше пластичность его пріемовъ: чѣмъ уже сфера, тѣмъ меньше найдется въ ней новыхъ вѣдущихъ вліяній, которыя давали бы матеріалъ для развитія. — И однако, спеціализація сама является условіемъ высокой техники, т. е. дѣйствительной побѣды людей надъ природой.

Съ другой стороны, та же крайняя разнородность, та же спеціализація техническихъ формъ приводитъ къ такимъ значительнымъ различіямъ индивидуальностей и цѣлыхъ общественныхъ группъ, что людямъ становится еще труднѣе приспособляться другъ къ другу; неприспособленность, возникающая изъ неорганизованнаго характера производства, еще осложняется тою, которая вытекаетъ изъ разнородности особей и группъ ¹⁾.

Итакъ, новая форма сотрудничества должна устранить и неорганизованность, и разнородность... Стало быть, это сотрудничество организованное и однородное.

Но вѣдь неорганизованность явилась результатомъ колоссальнаго разростанія общественнаго организма, которое сдѣлало невозможнымъ выполненіе общей организаторской дѣятельности отдѣльными особями. Стало быть, немислимъ уже возвратъ къ индивидуально-организаторскому управленію системой производства: въ громадномъ обществѣ возможна лишь совмѣстная организаторская дѣятельность; это же соответствуетъ и требованію однородности.

¹⁾ Отсюда возникаетъ рядъ приспособленій, имѣющихъ тенденцію ослаблять вліяніе этой разнородности особей и группъ, ввести ее въ тѣсныя рамки. Такими приспособленіями являются обычное право, право, нравственность, общественныя приличія, все, что въ наше время обозначаютъ общимъ терминомъ „условности“.

Однако, возможно ли окончательно утратить специализацию, ограничение поля деятельности особи? Это означало бы утратить существенное условие победы над природою. Необходимо, стало быть, и специализация,—но такая, которая не нарушала бы общественной однородности и не увеличивала бы консерватизма психики.

Это возможно только однимъ путемъ: путемъ выработки общихъ методовъ во всѣхъ сферахъ производства, такихъ методовъ, которые требовали бы лишь небольшихъ видоизмѣненій, точнѣе даже—дополненій, для успешнаго примѣненія въ любой технической области.—Такимъ образомъ, специализация сохранялась бы лишь въ томъ смыслѣ, что энергія различныхъ особей направлена на различные объекты внешней природы; трудъ различался бы преимущественно по результатамъ, сохраняя величайшую однородность въ своей основѣ—общемъ методѣ.

Таково синтетическое сотрудничество. Это по всей вѣроятности, господствующая форма будущаго; но ея основы ясно намѣчаются уже въ настоящемъ. Въ современномъ машинномъ производствѣ, по мѣрѣ его развитія, различіе специальности соединяется со все меньшею разнородностью психологіи работниковъ. Чѣмъ болѣе совершенствуется машина, тѣмъ въ большей степени деятельность работника сводится къ внимательному наблюденію за механизмомъ, къ контролю его стихійной деятельности. При этомъ, хотя различные машины служатъ для производства самыхъ различныхъ продуктовъ, но содержаніе труда рабочихъ становится все въ большей степени сходнымъ, психологія ихъ работы—все болѣе однородною.

Въ то же время самый типъ работы оказывается сходенъ скорѣе съ организаторскимъ (вниманіе, контроль, управленіе, хотя бы работою машины, а не другихъ людей), чѣмъ исполнительскимъ (механичность, отсутствіе умственного напряженія). Прежніе оба вида труда фактически совмѣщаются въ одномъ. Это совмѣщеніе не ограничивается областью непосредственной работы при машинахъ, но развивается дальше, стремясь охватить общественное производство въ его цѣломъ ¹⁾. Складываются, шагъ за шагомъ, формы коллективнаго контроля надъ производствомъ, объединеніе организаторской и исполнительской деятельности въ широкихъ размѣрахъ (практика trade-union'овъ, и т. под.).

¹⁾ Тотъ же типъ сотрудничества, то въ болѣе, то въ менѣе выраженной формѣ выступаетъ во всѣхъ такъ назыв. демократическихъ учрежденіяхъ, гдѣ личность, какъ часть организованнаго цѣлаго, выполняетъ то организаторскую роль (поскольку оказываетъ вліяніе на выработку общей воли), то исполнительскую (поскольку подчиняется этой волѣ, осуществляетъ ее).

Та же тенденція начинаетъ выступатьъ въ научной технику; тамъ она принимаетъ форму стремленія къ единству методовъ изслѣдованія для всѣхъ сферъ познанія, къ установленію такихъ общихъ приемовъ, которые въ каждой научной области оставались бы основой анализа, и только дополнялись бы болѣе частнымъ и приемами, соотвѣтственно конкретнымъ особенностямъ данной области.

И въ технической, и въ научной дѣятельности при этомъ достигается maximum пластичности формъ приспособленія. Всего ярче это выступаетъ въ томъ фактѣ, что и тамъ и здѣсь переходъ отъ одной спеціальности къ другой становится все болѣе легкимъ дѣломъ ¹⁾.

Но всѣ указанные элементы синтетическаго сотрудничества въ наше время еще далеки отъ полного развитія и господства.

Очевидно, что для современнаго изслѣдователя не можетъ быть и рѣчи о сколько-нибудь точномъ и полномъ выясненіи монистической тенденціи познанія, свойственной синтетическому сотрудничеству. Но уже можно констатировать, преимущественно въ мышленіи наиболѣе прогрессивныхъ общественныхъ группъ, нѣкоторые отдѣльные элементы высшаго типа познанія. Очевидно, что конкретное содержаніе высшихъ обобщеній этого типа должно опредѣляться конкретнымъ содержаніемъ того общаго метода борьбы за существованіе, который составитъ основу высшей формы сотрудничества. Поэтому всюду, гдѣ обнаруживается развитіе общихъ техническихъ методовъ, слѣдуетъ искать, какая форма мышленія можетъ быть наиболѣе подходящимъ приспособленіемъ къ этимъ методамъ. Эмпирический матеріалъ для такихъ изысканій даетъ сама жизнь, наблюденія надъ дѣйствительными измѣненіями формъ сознанія съ развитіемъ новой нормы сотрудничества.

Съ развитіемъ науки все сильнѣе упрочивается тенденція разсматривать всѣ человѣческія дѣйствія, какъ въ полнѣ законмѣрныя, въ полнѣ обу-

¹⁾ Какъ было указано въ началѣ работы, отдѣльнымъ типамъ психическихъ приспособленій свойственны различныя преимущества: реакціямъ рефлекторнымъ и привычнымъ—быстрота и легкость приспособленія, пластичнымъ—его полнота и точность. Повидимому, выработка общихъ методовъ борьбы съ природой стремится совмѣститьъ всѣ эти преимущества; ибо общіе методы—это привычныя типы пластичности, позволяющіе приспособляться къ новымъ условіямъ съ большою полнотою и точностью, но также и съ наибольшей возможной быстротой и легкостью. Насколько легче и быстрѣе современный инженеръ преодолеваетъ всѣ техническія трудности, или современный охотникъ—всѣ опасности, по сравненію съ инженерами и охотниками, напр., древняго міра.

словенныя. Не есть ли это приспособленіе къ возрастающей однородности особей, однородности, благодаря которой дѣйствія людей при сходныхъ условіяхъ становятся все болѣе сходны, и каждый человѣкъ на основаніи личнаго психическаго опыта получаетъ все болѣе возможности предвидѣть дѣйствія другихъ людей и заранее приспособляться къ нимъ?

Съ развитіемъ науки усиливается стремленіе разсматривать всѣ виды человѣческой работы, какъ тождественныя по существу, различныя лишь по условіямъ ихъ выполненія (понятіе объ „абстрактномъ трудѣ“ у экономистовъ). Не есть ли это—приспособленіе къ возрастающему единству техническихъ методовъ въ автоматически-машинномъ производствѣ самыхъ различныхъ продуктовъ?

Съ развитіемъ науки возрастаетъ склонность людей принимать всѣ виды человѣческой энергіи и энергіи процессовъ внѣшней природы за однородныя, за тождественныя по существу. Не есть ли это необходимое приспособленіе къ основной технической тенденціи машиннаго производства—уменьшать затраты человѣческой энергіи путемъ примѣненія энергіи внѣшней природы?

Повидимому, во всѣхъ такихъ тенденціяхъ мышленія правильно было бы искать зачатковъ синтетическаго монизма.

10. Типы труда и типы мышленія.

Наша задача заключается въ томъ, чтобы выяснитъ, какъ складываются формы познанія въ зависимости отъ формъ общественнаго труда. Формы общественнаго труда можно разсматривать не только со стороны ихъ социальнаго строенія, какъ мы это дѣлали въ предыдущемъ, говоря о видахъ, „сотрудничества“; эти формы можно разсматривать также со стороны ихъ непосредственнаго содержанія, какъ виды „труда“.

Трудъ есть сознательно-цѣлесообразная дѣятельность, такъ что содержаніе этой дѣятельности опредѣляется, очевидно, тѣми сознательными цѣлями, къ которымъ она направлена. Поэтому характеристика „видовъ труда“ сводится къ характеристикѣ направленія, цѣлей сознательной дѣятельности.

Само собой разумѣется, что цѣли эти безконечно разнообразны, и нашъ анализъ можетъ касаться только самыхъ общихъ типовъ трудового содержанія человѣческой жизни. И здѣсь мы поневолѣ будемъ держаться въ рамкахъ такого же схематизма, какъ при разсмотрѣніи социальныхъ характеристикъ труда. Мы не будемъ говорить о различныхъ сферахъ обще-

ственного труда съ ихъ различными спеціальными цѣлями, сводящимися къ производству однихъ, другихъ, третьихъ, и т. д.—матеріальныхъ или не-матеріальныхъ продуктовъ. Мы ограничимся сжатымъ описаніемъ двухъ основныхъ направленій человѣческаго труда—направленій, которыя мы назовемъ „консервативнымъ“ и „измѣняющимъ“.

„Консервативное“ направленіе труда характеризуется тѣмъ, что трудъ стремится сохранять, поддерживать, воспроизводить то, что существовало раньше, и въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало раньше. Такова почти вся техническая дѣятельность въ застойныхъ обществахъ—первобытныхъ, патріархально-родовыхъ, феодальныхъ. Цѣли для труда непосредственно ставятся прошлымъ. Человѣкъ сегодня производитъ то же, что вчера, и тѣмъ же способомъ, какъ вчера,—въ будущемъ году то же и тѣми же способами, что въ нынѣшнемъ. Если происходятъ измѣненія въ условіяхъ и результатахъ производства, то съ такой медленностью, что сознание не можетъ непосредственно ихъ отмѣчать¹⁾. Міръ „цѣлей“ такимъ образомъ складывается для человѣка изъ представлений привычныхъ, въполнѣ соответствующихъ воспріятіямъ раньше пережитымъ, и пережитымъ много разъ. Хотя вообще трудъ всегда въ большемъ или меньшемъ количествѣ включаетъ въ себѣ пластичныя реакціи, но сознание во время трудового процесса постоянно фиксировано на томъ привычномъ, неизмѣняющемся, которое является цѣлью.

Бываютъ также трудовые процессы иного характера, въ которыхъ цѣль не прямо дана прошлымъ,—которые направлены не къ простому сохраненію и воспроизведенію того, что уже было, и такимъ, какимъ оно было. Нерѣдко человѣкъ стремится создать то, чего не было еще въ его непосредственныхъ воспріятіяхъ, измѣнить то, что въ нихъ имѣется, сдѣлать инымъ, чѣмъ оно было и есть. Представляемая цѣль труда не совпадаетъ ни съ чѣмъ, имѣющимся въ прямыхъ воспоминаніяхъ, не есть что-либо обычное, много разъ переживавшееся раньше. Когда капиталистъ стремится расширить свое предпріятіе, когда техникъ старается изобрѣсти новое приспособленіе, когда рабочій добивается улучшенія въ условіяхъ труда—ни одинъ изъ нихъ не можетъ почерпнуть своихъ цѣлей прямо изъ прошлаго: во всѣхъ такихъ случаяхъ представленіе цѣли пластически сложилось изъ прежнихъ

¹⁾ Бываютъ, конечно, измѣненія быстрыя и рѣзкія, но они стихійнаго происхожденія—въ случаяхъ неурожая, наводненій, пожаровъ, и т. под.; тогда производитель оказывается просто неприспособленнымъ, или, если понемногу приспособляется, то опять-таки стремится воспроизвести прежнія условія своей жизни, т. е. цѣль опять-таки непосредственно дается прошлымъ.

воспріятій, не соотвѣтствуетъ ни одному изъ нихъ въ точности, является новой комбинаціей, составленной изъ ихъ элементовъ.

При консервативномъ типѣ труда человѣкъ постоянно возсоздаетъ прежнія условія своего существованія, тѣ условія, къ которымъ онъ уже въ прошломъ приспособился, для которыхъ выработалъ подходящія привычныя реакціи. Но такимъ путемъ онъ въ то же время, очевидно, возсоздаетъ условія сохраненія и упроченія тѣхъ привычныхъ реакцій, которыя связаны съ этими прежними условіями. Воспроизводя прошлое внѣ себя, онъ воспроизводитъ его и въ своей психикѣ. Напр., устраивая себѣ такой же домъ, какой онъ имѣлъ прежде, онъ получаетъ твердую опору для прежнихъ привычекъ, для старыхъ воспоминаній, и т. д.

Такимъ образомъ консервативный типъ труда приводитъ къ тому, что въ психической жизни громадный перевѣсъ получаютъ привычныя реакціи. Ибо не только при выполненіи труда сознаніе постоянно фиксируется на привычномъ представленіи (цѣли), а самый процессъ труда въ наибольшей части слагается изъ привычныхъ дѣйствій, но, что еще важнѣе, по завершеніи труда, въ его результатѣ получаютъ условія, дѣйствующія на психику въ смыслѣ поддержанія, укрѣпленія, фиксированія цѣлаго ряда сложившихся привычныхъ реакцій.

Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло при измѣняющемъ типѣ труда. Во-первыхъ, въ центрѣ трудовыхъ реакцій здѣсь находится пластичное представленіе, которое само измѣняется за время труда, становясь все опредѣленнѣе и яснѣе (по мѣрѣ того, какъ цѣль осуществляется). Во-вторыхъ, самъ трудовой процессъ въ наибольшей мѣрѣ слагается изъ пластичныхъ дѣйствій (чѣмъ менѣе привычна, чѣмъ болѣе нова цѣль, тѣмъ менѣе пригодны привычные способы дѣйствія для ея достиженія, тѣмъ болѣе необходимы способы пластичные). Наконецъ, что всего важнѣе, въ результатѣ получаютъ, новыя, не пережитыя раньше условія, т. е. условія, при которыхъ становятся недостаточны или даже непригодны прежнія, привычныя приспособленія, и возникаетъ необходимость въ новыхъ, пластичныхъ. Такимъ образомъ, при пластичномъ по преимуществу характерѣ самого трудового процесса, психика сверхъ того настраивается на дальнѣйшія, все новыя и новыя пластичныя реакціи; вся психическая дѣятельность все въ большей и большей мѣрѣ складывается по пластичному типу. — Измѣняя свою среду, человѣкъ создаетъ себѣ измѣняющую психику.

Консервативный и измѣняющій типы труда, а вмѣстѣ съ тѣмъ — привычный и пластичный типы психической жизни, — въ жизни постоянно смѣшиваются, существуютъ одновременно во всякой общественной формациі.

Но преобладаетъ обыкновенно одинъ изъ нихъ, и при извѣстныхъ условіяхъ такое преобладаніе бываетъ очень значительно. Такъ, въ натурально-хозяйственныхъ обществахъ трудъ измѣняющій играетъ самую ничтожную роль, имѣетъ почти безконечно-малое значеніе сравнительно съ трудомъ консервативнымъ. Напротивъ, капиталистическое общество съ его бурнымъ развитіемъ всецѣло основано на господствѣ измѣняющаго труда, и непрерывно суживаетъ область труда консервативнаго.

Какимъ же образомъ познаніе приспособляется къ каждому изъ обоихъ основныхъ типовъ труда?

Очевидно, создаются формы познанія, соотвѣтствующія типу приспособляющихъ реакцій. Характеристику этихъ формъ познанія составляютъ двѣ опредѣленныя монистическія тенденціи или, точнѣе, два опредѣленные типа монистическихъ тенденцій.

При консервативно-направленномъ трудѣ господствуетъ привычный типъ реакцій. Содержаніе этихъ реакцій весьма различно, и тотъ обобщающій процессъ, который составляетъ основное проявленіе монистической тенденціи познанія, восходя отъ низшихъ обобщеній къ высшимъ, долженъ все въ большей степени устраниать эти различія, пока они совершенно не исчезнутъ въ послѣднемъ обобщеніи. Но тогда останется только то, что составляетъ общую характеристику привычныхъ реакцій. Припомнимъ эту характеристику.

Привычныя реакціи отличаются, по сравненію съ пластичными, прежде всего высокой прочностью, консерватизмомъ, а въ зависимости отъ этого — слабою степенью различенія условій и затѣмъ — значительной опредѣленностью и самостоятельностью. Другими словами, привычныя реакціи повторяются въ приблизительно неизмѣняемыхъ формахъ, не смотря на нѣкоторыя, иногда довольно значительныя измѣненія и различія въ вызывающихъ условіяхъ¹⁾; кромѣ того, онѣ совершаются весьма раздѣльно, не смѣшиваясь

¹⁾ Въ тѣхъ обществахъ, гдѣ господствуетъ привычный складъ мышленія, насъ поражаетъ чрезвычайная грубость всякихъ общественныхъ оцѣнокъ. Для ортодоксальнаго католика старыхъ временъ нѣтъ никакой разницы между скромнымъ философомъ—пантеистомъ съ одной стороны, грубымъ фанатикомъ практическаго матеріализма—съ другой, слегка уклоняющимся отъ догмы „еретикомъ“—съ третьей, и т. д.: всѣхъ ихъ онъ одинаково, безъ дальнѣйшихъ размышленій, подводитъ теоретически подъ опредѣленіе „врагъ святой Римской церкви“, и практически — спроваживаетъ на костеръ. Такой же недостатокъ различенія сказывается и въ большинствѣ юридическихъ нормъ неразвитыхъ обществъ, назначающихъ одинаковыя наказанія за весьма различныя преступленія, и въ техникахъ воспитанія, которая не считается съ

между собою, сопровождаясь лишь ничтожнымъ количествомъ „сочувственныхъ“ реакцій.

Въ послѣднемъ обобщеніи того ряда понятій, который дается трудовой дѣятельностью человѣка, окажется, слѣдовательно, понятіе о неизмѣнномъ и самостоятельномъ. Повидимому, дѣло должно бы идти лишь о приблизительно неизмѣнномъ и приблизительно самостоятельномъ, ибо такова характеристика привычныхъ реакцій. Но привычнымъ реакціямъ, а слѣдовательно и консервативной психикѣ, изъ нихъ складывающейся, свойственна лишь незначительная степень различія, такая степень, при которой сознание не можетъ различить, отмѣтить ничтожныя измѣненія привычныхъ реакцій, и ихъ весьма слабо проявляющуюся несамостоятельность. Такимъ образомъ, послѣднее обобщеніе данной области познанія будетъ—вполнѣ неизмѣнное, вполнѣ самостоятельное, иначе говоря, абсолютное.

Мы знаемъ, что необходимо сложившаяся монистическая тенденція стремится подчинить себѣ все познаніе, перестроить по своему типу всѣ познавательныя формы. Такъ и здѣсь, человѣческое мышленіе будетъ стремиться къ тому, чтобы весь матеріалъ представленій уложить въ рамки совершенно неизмѣннаго, совершенно самостоятельнаго, абсолютнаго. Таково статическое мышленіе. Природа является ему, какъ совокупность отдѣльныхъ, совершенно устойчивыхъ въ своемъ существованіи „вещей“ или „предметовъ“. И даже тамъ, гдѣ явленіе никакъ ужъ не можетъ уложиться въ эти рамки, гдѣ дѣло идетъ объ измѣненіяхъ вещей, даже тамъ статическое мышленіе не отступаетъ: оно создаетъ неизмѣнную и самостоятельную сущность — „силу“, самостоятельное и неизмѣнное содержаніе которой заключается именно въ томъ, что она производитъ измѣненіе вещей.

Измѣняющему типу труда и пластичному строенію психики соответствуетъ противоположная характеристика. Пластичныя реакціи мало консервативны, обладаютъ слабой самостоятельностью, и различіе условій въ нихъ является наиболѣе тонкимъ. Другими словами, онѣ повторяются всегда съ болѣе или менѣе значительными измѣненіями, онѣ всегда сопровождаются цѣлой свитой непосредственно излишнихъ реакцій ¹⁾,

личными особенностями ребенка, и въ массѣ другихъ чертъ жизни. Стремленіе „индивидуализировать“ отдѣльные случаи юридической или педагогической практики, принимать во вниманіе всю совокупность частныхъ условій, есть черта пластическаго склада психики.

¹⁾ Напр., съ пластически-образовавшимся представленіемъ всегда ассоціируются тѣ привычныя представленія, элементы которыхъ послужили для него матеріаломъ.

онѣ въ сильной степени варьируются въ зависимости отъ различія обстоятельствъ.

Последнимъ обобщеніемъ, завершающимъ монистическую тенденцію, окажется въ этомъ случаѣ измѣняющееся и связанное, а въ зависимости отъ тонкаго различія, улавливающаго переходы между явленіями и ихъ отѣнки, также непрерывное. Таковъ историческій типъ мышленія. Природа представляется ему, какъ система непрерывныхъ процессовъ, взаимно сливающихся между собою.

Все, что для сознанія непосредственно является, какъ неизмѣнное, въ историческомъ познаніи, подчиняясь его общей тенденціи, выступаетъ, какъ повтореніе одинаковыхъ измѣненій или какъ результатъ одновременныхъ измѣненій, взаимно уравнивающихъ другъ друга благодаря противоположности направленія, стало быть, какъ „подвижное равновѣсіе“. Для всего, что непосредственно является сознанію, какъ вполне отдѣльное, самостоятельное, для всего этого историческое мышленіе стремится найти или пластически воссоздаетъ непрерывныя связи и переходы, объединяющіе это отдѣльное со всей остальной реальностью. Вещь самая консервативная и воспринимаемая наиболѣе раздѣльно отъ своей среды, напр., алмазь, рассматривается все-таки не какъ неизмѣнная и самостоятельная вещь; для историческаго познанія это—процессъ, различныя стадіи котораго приблизительно одинаково воздѣйствуютъ на наши чувства благодаря подвижному равновѣсію измѣняющихъ вліяній, и который непрерывными переходами, неуловимыми для нашихъ чувствъ, связанъ съ процессами окружающей среды.

Статическій и историческій отѣнокъ могутъ въ различной мѣрѣ соединяться съ тѣмъ содержаніемъ монистическихъ тенденцій, которое зависитъ отъ формъ сотрудничества. Такъ, анимизмъ соединяется въ исторіи со статикой, метафизика на раннихъ ступеняхъ развитія бываетъ статична (напр., элеаты), на позднихъ—исторична (напр., Гегель). Синтетическій типъ мышленія, вѣроятно, всегда историченъ ¹⁾.

¹⁾ Такъ называемая „первобытная диалектика“ (Энгельсъ) отнюдь не есть историзмъ. Правда, человѣкъ-дикарь представляетъ себѣ природу въ видѣ ряда дѣйствій, но его представленіе „дѣйствія“ отнюдь не соответствуетъ нашему представленію „процесса“ и не соединяется вовсе съ представленіемъ о связности и непрерывности. Гераклитовскій же историзмъ не есть отраженіе этой первобытной диалектики, а результатъ гораздо болѣе высокаго развитія.

(Болѣе обстоятельная характеристика статикѣ и историзма дана въ моей работѣ „Осн. элем. историч. взгляда на природу“, стр. 10—19).

II. О границах эклектизма.

Въ рамкахъ настоящей работы не можетъ быть выполненъ дальнѣйшій анализъ типовъ труда и сотрудничества съ одной стороны, обусловленныхъ ими типовъ познанія—съ другой. Но и то, что уже изложено, нуждается въ нѣкоторыхъ поясненіяхъ, ибо представляетъ изъ себя рядъ абстракцій, далеко не вполне описывающихъ непосредственную дѣйствительность въ мірѣ познанія.

Каждое данное общество, каждая данная социальная группа, отношенія каждого даннаго лица къ другимъ людямъ представляютъ изъ себя болѣе или менѣе сложное сочетаніе разнообразныхъ формъ сотрудничества. Такъ, въ мелко-буржуазномъ обществѣ можно констатировать господство двухъ основныхъ типовъ сотрудничества: анархическаго (связь между хозяйствами) и авторитарнаго (организация отдѣльнаго хозяйства). Современный классъ непосредственныхъ производителей живетъ въ гораздо болѣе сложныхъ отношеніяхъ: частью сотрудничество авторитарное (отдѣленіе организаторской дѣятельности отъ исполнительской и вообще специализация), частью анархическое (связь рабочихъ различныхъ капиталистическихъ предпріятій), частью—синтетическое. Данное лицо можетъ быть связано съ другими въ однихъ областяхъ своей жизни различными формами авторитарнаго сотрудничества (напр., глава семьи—организаторъ у себя дома, исполнитель на службѣ), въ другихъ сотрудничествомъ анархическимъ (напр., то же лицо въ своей коммерческой дѣятельности, какъ покупатель и продавецъ, конкуррирующий съ другими), въ третьихъ синтетическимъ (довольно обычная форма связи между сотрудниками въ идейной борьбѣ), и т. д.

Отношенія внутри-общественной борьбы при этомъ также должны быть приняты во вниманіе въ томъ смыслѣ, что въ процессѣ этой борьбы въ предѣлахъ каждой борющейся группы складываются опредѣленные частныя формы сотрудничества, какъ приспособленія къ этой борьбѣ (типы организацій классовой борьбы).

Точно также могутъ быть различны типы труда, наполняющаго жизнь данной группы, данной особи. Въ производственной дѣятельности прошлыхъ общественныхъ формацій трудъ консервативный господствовалъ почти безраздѣльно; мѣновое общество, проникнутое духомъ борьбы, отводитъ все болѣе значительную роль труду измѣняющему. Капиталистъ является представителемъ измѣняющаго труда, когда онъ стремится расширить и цѣлесообразнѣе организовать свое предпріятіе, или когда старается устранить своихъ конкурентовъ; но его трудъ получаетъ консервативное напри-

вление, когда дѣло идетъ о борьбѣ противъ попытокъ наемныхъ рабочихъ измѣнить условія труда, или противъ попытокъ мелкой буржуазіи добиться законовъ, затрудняющихъ развитіе капитала. Мелкая буржуазія направляетъ свою дѣятельность въ консервативномъ направленіи, когда стремится удержать свое экономическое положеніе подъ натискомъ крупнаго капитала, и въ измѣняющемъ направленіи, когда старается демократически преобразовать государственно-правовыя отношенія. Одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ быть ярымъ реформаторомъ въ своей общественной дѣятельности и строгимъ консерваторомъ въ семейной жизни, и т. д.

Соотвѣтственно такому разнообразію формъ труда и сотрудничества, опредѣляющихъ собою содержаніе жизни цѣлыхъ группъ и отдѣльных личностей, мышленіе людей бываетъ вообще эклектично. Одинъ и тотъ же классъ, одинъ и тотъ же человѣкъ можетъ въ однихъ случаяхъ представлять себѣ явленія анимистически, въ другихъ—метафизически, въ третьихъ—позитивно, въ однихъ разсматривать ихъ статически, въ другихъ—исторически. Такъ, буржуазія склонна въ наше время основныя экономическія отношенія познавать метафизически (товарный фетишизмъ) и статически (представленіе о конкуренціи, какъ вѣчномъ законѣ общественной жизни): это объясняется тѣмъ, что въ сферѣ данныхъ отношеній буржуазія живетъ среди анархическаго сотрудничества, и направляетъ свою дѣятельность консервативно. Напротивъ, на политическія отношенія крупная буржуазія смотритъ обыкновенно съ весьма позитивной и исторической точки зрѣнія; и это, опять-таки, понятно, если обратить вниманіе на то, что, какъ политическая сила, буржуазія организуется обыкновенно по синтетическому типу, а ея дѣятельность въ этой сферѣ чаще всего направлялась до сихъ поръ въ сторону измѣненій.

Такого рода эклектизмъ усиливается, какъ мы знаемъ, еще болѣе въ силу фактовъ переживанія и недоразвитія, благодаря которымъ формы мышленія должны оказываться смѣшанными даже тогда, когда въ формахъ труда и сотрудничества установилась уже нѣкоторая однородность. Но на этомъ мы останавливаться не будемъ, такъ какъ это уже указывалось въ предыдущемъ.

Существуютъ и такія условія, которыя иногда усиливаютъ, а иногда ослабляютъ этотъ соціальный эклектизмъ мышленія. Таково словесное общеніе, благодаря которому одни классы и личности усваиваютъ формы мышленія другихъ, благодаря которому группа и особь приспосабливаются не только къ своимъ собственнымъ, но косвенно и къ чужимъ условіямъ существованія.

Въ той или иной мѣрѣ, путемъ словеснаго общенія люди могутъ заимствовать одни у другихъ самыя различныя формы познанія;—но прочнымъ, устойчивымъ бываетъ заимствованіе лишь тогда, когда оно не стоитъ въ противорѣчій съ необходимыми формами мышленія самихъ заимствующихъ, съ формами, строго соответствующими характеру обычнаго труда и сотрудничества этихъ людей. Поэтому, напр., низшіе классы нерѣдко живутъ идеологіей высшихъ въ началѣ своего развитія; но чѣмъ дальше идетъ это развитіе, тѣмъ больше откидываются тѣ элементы чуждой идеологіи, которые не гармонируютъ съ собственными жизненными отношеніями развивающагося класса, и остаются только только такіе элементы, которые подходятъ къ этимъ отношеніямъ, или, по крайней мѣрѣ, не противорѣчатъ имъ. Англійскіе трэдъ-юніонисты такъ же не могли остаться до конца вѣрными манчестерскимъ взглядамъ на экономическія отношенія, какъ не могла буржуазія городовъ долго сохранять въ чистотѣ феодальный католицизмъ.

Но если группы развивающіяся принуждены бываютъ въ своемъ поступательномъ движеніи откидывать шагъ за шагомъ тѣ формы мышленія, которыя выработаны были жизнью старыхъ классовъ, то группы отживающія, наоборотъ, шагъ за шагомъ неизбежно воспринимаютъ тѣ формы мышленія, которыя складываются въ жизни прогрессивныхъ классовъ. Такъ, феодальная психологія принуждена была примириться и съ идеей движенія земли, и отчасти даже съ идеей развитія, хотя обѣ эти идеи вносятся въ нее жестокое противорѣчіе: стало быть, сила этого противорѣчія все-же меньше силы давленія той прогрессивной общественной среды, которая окружаетъ феодальную группу. Подобные процессы протекаютъ въ видѣ идеологической борьбы, нерѣдко весьма долгой и мучительной.

Итакъ, чистые типы мышленія соответствуютъ лишь идеальнымъ условіямъ. Въ дѣйствительности, мышленіе людей всегда эклектично, только въ различной степени. Оно наименѣе эклектично въ группахъ наиболѣе однороднаго строенія.

Процессъ развитія, первоначально въ сферѣ труда и сотрудничества, а затѣмъ, въ зависимости отъ этого, и въ сферѣ познанія, ведетъ къ вытѣсненію однихъ формъ другими, вообще говоря—низшихъ высшими. Эти измѣненія совершаются весьма медленно, весьма послѣдовательно; и только тогда, когда реформируются послѣднія, все объединяющія обобщенія—тогда развитіе принимаетъ видимость переворота, потому что окончательныя формулы измѣняются рѣзко и быстро, приспособляясь къ значительно измѣнившимся уже формамъ мышленія. Это особенно легко наблюдать на философскихъ системахъ, которыя вообще имѣютъ задачей именно

выработку послѣднихъ формулъ. Такъ, напр., дуалистическая тенденція анимизма, которая еще рѣзко выражена въ формулахъ Декарта (двѣ субстанціи—мыслящая и протяженная), значительно слабѣетъ и вырождается въ ученіи Спинозы (два атрибута одной субстанціи—мышленіе и протяженіе), затѣмъ въ ученіи современныхъ критицистовъ (двѣ параллельныя стороны одной реальности). Въ послѣдней формѣ она уже почти безсодержательна, и переходъ отъ нея къ энергетическому монизму, будучи переворотомъ по видимости, на дѣлѣ закрѣпляетъ лишь совершившіяся уже измѣненія во всей системѣ мышленія развивающихся элементовъ общества.

Но здѣсь является такой вопросъ. Вѣдь если отъ опредѣленныхъ формъ труда и сотрудничества зависятъ опредѣленные типы мышленія, то можетъ ли вообще развитіе устранить эклектизмъ, пока существуютъ различныя формы труда и сотрудничества? Казалось бы, пока существуетъ консервативный типъ труда, познаніе не можетъ вполнѣ отдѣлаться отъ статикки, пока существуетъ авторитарное сотрудничество—отъ дуализма, пока существуетъ анархическое—отъ метафизики.

Въ противоположномъ смыслѣ говорятъ слѣдующія соображенія.

Измѣняющій типъ труда не исключаетъ консервативнаго, а напротивъ, включаетъ его. Создавать нѣчто новое можно только изъ старыхъ элементовъ, и по отношенію къ этимъ старымъ элементамъ, которые придется воспроизвести, процессъ труда окажется консервативнымъ. Соотвѣтственно этому историческое мышленіе не просто уничтожаетъ статику: оно преобразуетъ ее, оно сохраняетъ ея „неизмѣнное“, отводя ему только иное мѣсто, именно, не въ области „неподвижнаго“, а въ сферѣ подвижнаго равновѣсія. Поэтому историческое мышленіе, складываясь на почвѣ измѣняющаго труда, остается цѣлесообразнымъ приспособленіемъ и для труда консервативнаго, можетъ вполнѣ замѣнить собою статическое мышленіе. Стало быть, для устраненія статикки вовсе не является необходимымъ полное устраненіе консервативнаго труда; необходимо только достаточное развитіе труда измѣняющаго.

Синтетическій типъ сотрудничества точно также не есть простое отрицаніе другихъ типовъ: онъ совмѣщаетъ ихъ характеристики. Въ немъ существуетъ и то разграниченіе труда организаторскаго и исполнительскаго, которое свойственно авторитарному типу, только это разграниченіе не связано со специализированными личностями организатора и исполнителя: тотъ и другой постоянно мѣняются ролями. Въ этомъ сотрудничествѣ сохраняются и основныя черты неорганизованнаго сотрудничества—во-1) отсутствіе личной воли, организующей производство (только прибав-

лена наличность организующей общественной воли); во-2) широкая специализация (при чемъ, благодаря наличности общихъ методовъ производства, эта специализация не создаетъ рѣзкой психологической разнородности особей). Соответственно такому характеру формы сотрудничества, энергетическій типъ мышленія способенъ вполне замѣнить анимизмъ и метафизику: нѣтъ такого явленія, которое можно было бы понять только по одному изъ послѣднихъ двухъ типовъ, и нельзя было бы понять по первому. Анимизмъ становится не нуженъ, когда начало организующее удастся понять въ тѣхъ же формахъ, какъ организуемое; пустая метафизическая абстракція въ родѣ „субстанціи“ должна потерять значеніе, когда на ея мѣсто становится содержательное энергетическое обобщеніе.

Итакъ, для устраненія анимизма и метафизики не требуется полного уничтоженія низшихъ формъ сотрудничества: требуется только достаточное развитіе высшей формы.

12. 0 „предпосылкахъ“ познанія ¹⁾.

Въ предыдущемъ мы старались дать самую общую характеристику формъ познанія со стороны ихъ происхожденія и ихъ строенія. Познаніе разсматривалось, какъ процессъ біологическій, психическій, социальный, какъ сложный результатъ развитія болѣе простыхъ явленій—біологическихъ, психическихъ, социальныхъ. Поставленная задача имѣла историческій характеръ, и примѣненный методъ былъ историческій.

Такая точка зрѣнія въ теоріи познанія становится все въ большей мѣрѣ господствующей. Однако до сихъ поръ она не можетъ считаться безусловно общепризнанной. Существуетъ еще взглядъ—его держатся многіе философы кантіанскаго оттѣнка,—прямо отрицающій законность историзма въ теоріи познанія, или по крайней мѣрѣ указывающій для него опредѣленныя границы, дальше которыхъ онъ не долженъ идти. Взглядъ этотъ не можетъ быть оставленъ нами безъ вниманія.

Аргументація, которая выставляется противъ историческаго метода въ теоріи познанія, сводится въ существенномъ къ слѣдующему.

Теорія познанія указываетъ общія, необходимыя условія познавательной дѣятельности. Таковы, напр., „формы созерцанія“—пространство и время; таковы (у Канта) различныя „категоріи“, въ которыя познающій

¹⁾ Основной критической идеей этой главы я обязанъ въ значительной степени В. Базарову.

разсудокъ необходимо укладываетъ все содержаніе познанія; таковы, между прочимъ, и основные логическіе законы, безъ помощи которыхъ ни о чемъ вообще нельзя разсуждать... Эти необходимыя условія, эти „предпосылки“ познанія сами не подлежатъ анализу, и вообще никакому изслѣдованію—не подлежатъ потому, что всякій анализъ, всякое изслѣдованіе ихъ предполагаетъ, на нихъ основывается; безъ нихъ никакое объясненіе невозможно, а потому ихъ самихъ нельзя объяснять. Всякая попытка ихъ разложить или найти ихъ происхожденіе нелѣпа въ силу того, что она необходимо должна опираться на тѣ самыя „предпосылки“, которыя стремятся изслѣдовать. Такъ, напр., если ассоціаціонисты и психофизиологи опредѣленнымъ образомъ объясняютъ возникновеніе идей пространства, времени, „я“,—то всѣ эти объясненія не имѣютъ никакого смысла съ „гносеологической“ точки зрѣнія; ибо всѣ опыты, на которыхъ основано объясненіе, сами даны изслѣдующему въ пространствѣ и во времени и связаны единствомъ „я“.

Такова „критическая“ аргументація нео-кантіанцевъ. Попробуемъ отнестись къ ней критически.

Представимъ себѣ Канта въ то время, какъ онъ изслѣдовалъ познаніе вплоть до его „а priori“. Это изслѣдованіе было, конечно, познавательной дѣятельностью. Итакъ, Кантъ познавалъ познаніе. Не есть ли это нелѣпость? Конечно, нѣтъ. Кантъ познавалъ не тотъ познавательный процессъ, который въ это самое время выполнялъ,—а другіе познавательные акты, которые имѣлъ передъ собою въ видѣ воспоминаній, представленій. Никто не можетъ познавать то самое познаніе, которое непосредственно переживаетъ, какъ никто не можетъ непосредственно своимъ глазомъ видѣть этотъ же самый глазъ (или, еще ближе—видѣть свой актъ зрѣнія).

Слѣдовательно, познаніе, какъ непосредственно выполняемый актъ, и познаніе, какъ объектъ, какъ матеріалъ для другого познанія—двѣ очень различныя вещи, хотя и обозначаются однимъ словомъ. Онѣ различны не въ меньшей степени, чѣмъ, напр., ударъ молоткомъ и наковальня¹⁾. Если не разграничивать два значенія слова „познаніе“, то построить „науку о познаніи“ станетъ такимъ же легкимъ дѣломъ, какъ поднять себя за волосы, или отпарировать ударъ той же шпагой, которою онъ нанесенъ.

¹⁾ Разница между познаніемъ, какъ непосредственнымъ актомъ, и познаніемъ, какъ объектомъ изслѣдованія, равняется полной ихъ несоизмѣримости: ихъ даже невозможно сравнивать, какъ вообще невозможно сравнивать реальный процессъ и форму процесса, его познавательную характеристику.

Итакъ, нельзя смѣшивать познаніе—изслѣдованіе и познаніе—объектъ изслѣдованія. Первое есть непосредственно переживаемое дѣйствіе, второе—психическій образъ, представленіе (или понятіе) о подобномъ дѣйствіи. Первое никогда не является объектомъ прямого изслѣдованія: оно должно раньше преобразоваться во второе, актъ познанія долженъ перейти въ „форму“ познанія; дѣйствіе должно стать представленіемъ или понятіемъ, прозводство должно кристаллизироваться въ продуктъ—и уже тогда можетъ начаться его анализъ.

Когда Кантъ въ поискахъ за „а priori“ выполнялъ опредѣленные познавательные акты, то въ этихъ ли самыхъ актахъ непосредственно имѣлись требуемыя предпосылки, въ процессѣ ли самаго исканія заключалось то, что отыскивалось? Если бы это было такъ, то работа Канта превратилась бы въ чудовищную нелѣпость, много хуже, чѣмъ тотъ супъ, который у Гейне обезьяна варить изъ собственного хвоста. Но Кантъ искалъ „а priori“ не въ самомъ переживаемомъ процессѣ исканія, а въ томъ матеріалѣ, который обозрѣвалъ во время этого процесса.

Теорія познанія оперируетъ, слѣдовательно, не надъ познаніемъ, какъ непосредственнымъ актомъ, а надъ представленіями и понятіями о познавательныхъ актахъ, надъ ихъ образами. Только въ этихъ послѣднихъ она можетъ искать и находить постоянныя „формы“, иначе называемыя „предпосылками“ или „а priori“.

Итакъ, откуда же взялись „предпосылки“? Путемъ акта познанія онѣ выдѣляются изъ представленій о познавательныхъ актахъ. Онѣ, слѣдовательно, результатъ, продуктъ акта познанія, и характеристика, элементъ представленій о познаніи.

Какъ же онѣ могутъ „предполагаться“ въ актѣ познанія, быть его „предпосылками“, его „а priori“? Очевидно, такое утвержденіе основано на грубой, наивной путаницѣ понятій: смѣшеніи непосредственного акта познанія съ представленіемъ объ этомъ актѣ.

Человѣкъ изслѣдуетъ нѣчто (представленія и понятія о своихъ познавательныхъ актахъ) и находитъ для этого „нѣчто“ опредѣленную, постоянную характеристику (логическія и гносеологическія „формы“ или „предпосылки“). Какъ можетъ эта характеристика быть „предпосылкой“ изслѣдованія?

„Абстрактное пространство“, „абстрактное время“, всеобщая причинность“, и т. под. — все это высшія отвлеченія, добытыя долгимъ процессомъ познавательнаго развитія, на памяти исторіи. Какъ могутъ они

быть „необходимыми условіями“ самого процесса познанія, процесса отвлеченія ¹⁾?

Итакъ, познавательныя „а priori“ вовсе не предпосылки познанія. „Гносеологическая точка зрѣнія“, въ ея кантіанскомъ пониманіи оказывается логической ошибкой. Въ самый критическій моментъ изслѣдованія кантіанскій критицистъ устраняетъ самое некритическое смѣшеніе опредѣленнаго процесса и представленія объ этомъ процессѣ.

Теперь нетрудно выяснитъ вопросъ о законности исторической точки зрѣнія въ ученіи о познавательныхъ процессахъ.

Представленія и понятія о познавательныхъ процессахъ, какъ матеріаль познанія, попадаютъ въ одинъ рядъ съ представленіями и понятіями о другихъ общественныхъ, о другихъ психическихъ процессахъ, о процессахъ біологическихъ, химическихъ, физическихъ... Весь этотъ матеріаль подвергается познавательной обработкѣ, которую вообще можно характеризовать, какъ „описаніе“.

Описаніе познавательнаго матеріала стремится пріобрѣсти характеръ „объясненія“, т. е. сведенія болѣе сложнаго къ болѣе простому. При этомъ изслѣдованіе обязательно должно выйти изъ круга „объясняемыхъ“ явленій, чтобы установить ихъ связь съ явленіями болѣе простыми, чѣмъ они сами. Понятно, что путь „объясненія“ въ общемъ намѣчается степенью сложности

¹⁾ Въ непосредственномъ актѣ познанія нѣтъ ни субъекта, ни объекта. Сказать, что актъ познанія „предполагаетъ“ субъектъ, значить утверждать, что мы ухитрились изслѣдовать непосредственный актъ познанія, который вовсе не есть предметъ изслѣдованія, а само изслѣдованіе.

Этого не понимаютъ многіе кантіанцы, пытающіеся объявить свои „а priori“—табу для историческаго изслѣдованія. Вотъ, напр., что говоритъ г. Бердяевъ (Индивидуализмъ и Субъективизмъ“, стр. 24).

„Что-нибудь изъ двухъ—или всякій, самый элементарный актъ познанія, первый въ исторіи міра, уже требуетъ нѣкоторыхъ логическихъ предпосылокъ въ познающемъ субъектѣ, или этотъ первичный актъ познанія былъ результатомъ одного объекта безъ всякаго субъекта—выводъ чудовищный по своей логической нелѣпости“.

Здѣсь, г. Бердяевъ обращается, въ сущности, не къ логикѣ, а къ привычкѣ философствующихъ людей представлять себѣ познаніе разложеннымъ на субъектъ и объектъ. Но есть вѣдь и такіе изслѣдователи, для которыхъ познаніе является единымъ, нераздѣльнымъ процессомъ, а всякія разграниченія въ немъ—лишь представляемые и условныя. Почему же они будутъ виновны въ „логической нелѣпости“?

Но даже, допустимъ, субъектъ дѣйствительно имѣется въ познаніи; нѣтъ субъекта, нѣтъ и познанія. Отчего, въ такомъ случаѣ, не предположить, что хотя нѣтъ познанія и субъекта, но есть нѣчто, изъ чего и познаніе, и субъектъ развиваются? По мнѣн

представленій въ различныхъ областяхъ познанія. Для нашего времени это, по преимуществу, путь „историческаго метода“, ибо всѣ факты показываютъ, что сложное исторически развивается изъ простаго.

Представленія о познавательныхъ процессахъ, какъ извѣстно наиболѣе сложныя изъ всѣхъ. Менѣе сложны представленія о другихъ психическихъ процессахъ, о процессахъ жизни вообще, и т. д. Итакъ, „объясненіе“ познавательныхъ явленій должно восходить къ психическимъ и біологическимъ „основамъ“ познанія; изслѣдованіе не должно ограничиваться гносеологическими и логическими „формами“, потому что тогда оно не выходитъ изъ круга изслѣдуемыхъ явленій, не даетъ намъ болѣе простаго на мѣсто болѣе сложнаго, и не есть вовсе объясненіе.

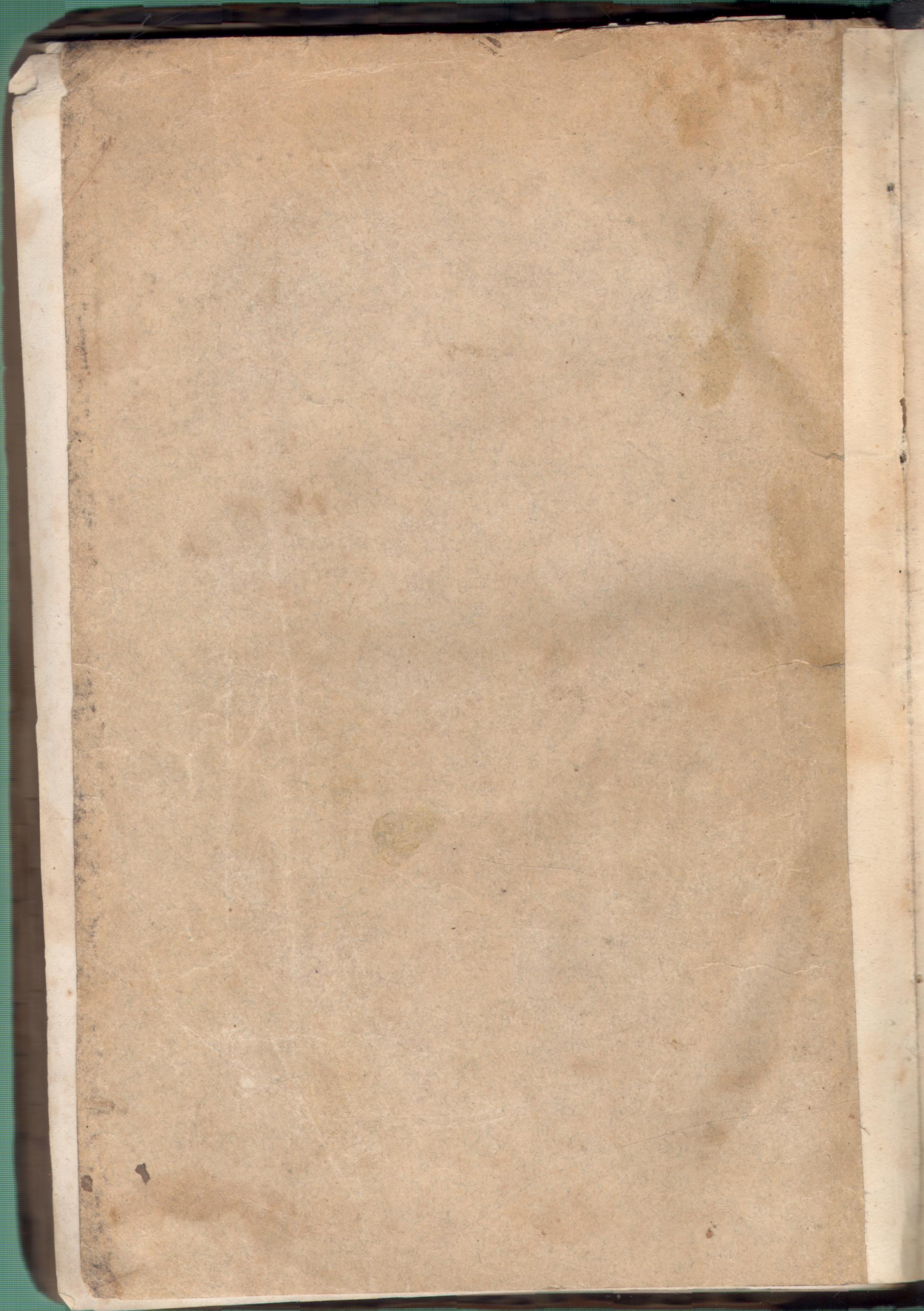
Объясненію, очевидно, подлежатъ и тѣ общія характеристики изслѣдуемаго познанія, которыя неправильно называются его предпосылками. Такъ, логическіе законы познанія дѣйствительно объясняются закономъ подбора жизненныхъ явленій, потому что представленіе о мышленіи по логическимъ законамъ гораздо сложнѣе, чѣмъ представленіе о дѣйствиі подбора на формы жизни. Идея пространства дѣйствительно объясняется опредѣленной ассоціаціей мускульныхъ и иныхъ воспріятій, потому что представленіе о пространственной формѣ воспріятій гораздо сложнѣе представленія о соединеніи мускульныхъ воспріятій.

Историческій методъ одинъ способенъ объяснить происхожденіе познавательныхъ явленій изъ болѣе простыхъ социальнo-психическихъ, біологическихъ, физико-химическихъ... Нелѣпы и безсильны попытки преградить ему путь.

того какъ складывается субъектъ, означенное психическое „нѣчто“ становится познаніемъ, проходя всѣ переходныя стадіи. Что въ этомъ нелѣпаго? И почему нельзя тогда выяснить происхожденія субъекта?

Г. Бердяевъ утверждаетъ: „Отрицать гносеологическій апіоризмъ можно только замалчиваніемъ великой гносеологической проблемы“. Можетъ быть, онъ теперь согласится, что отрицать этотъ апіоризмъ можно и опредѣленнымъ рѣшеніемъ упомянутой проблемы?

50

Степанов } Писемник и
Зинов } Лорика с
Лебедев } II — 3 и 6 ноября

Период — II — 12 1/2
кран. 10 минут
